ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 17 (2735) Суббота, 10 февраля 1951 г. Цена 40 коп.

Музыка, вдохновляющая народ

Прошло три года со дня опубликования постановления ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели».

ЦК ВКП(б) резко осудил формалистическое направление в музыке, указал на отрыв некоторой части советских композиторов от реальной жизни, от запросов нашего народа и дал программу развития музыки в духе реализма и народности. Мудрые указания партии сыграли исключительную роль в развитии музыкального искусства, помогли ему преодолеть буржуазные, формалистические влияния и добиться серьезных успехов на пути, указанном партией.

Антинародное формалистическое направление в советской музыке, осужденное партией и народом, разгромлено. Та музыка, которая, по определению А. А. Жданова, напоминала «не то бормашину, не то музыкальную душегубку», перестала звучать в нашей стране. В постановлении ЦК ВКП(б) указывалось, что «эта музыка сильно отдает духом современной модернистской буржуазной музыки Европы и Америки, отображающей маразм буржуазной культуры, полное отрицание музыкального искусства, его тупик».

Готовя новые войны и обрабатывая в этих целях массы, вожаки империализма хотят использовать и модернистскую музыку для достижения своих политических целей. Известно заявление Маршалла об одном из методов идеологической обработки людей: «...если мы не можем убедить их словами, мы сможем это сделать при помощи музыки». Маршаллизованная музыка — вот что такое эта музыка духовного распада!

Постановление ЦК ВКП(б) о музыке расчистило почву для расцвета советской музыкальной культуры и вызвало творческий подъем, охвативший всю массу советских композиторов, которые стремятся средствами своего искусства ответить на важнейшие вопросы современности, отразить сегодняшний день советского общества, воспеть величие нашей славной и героической действительности.

За три года, истекшие со времени постановления ЦК ВКП(б), наша музыка обогатилась многими значительными произведениями. В «Песне о лесах» Д. Шостакович выступает как истинный музыкальный поэт, нашедший источник своего творчества в современной живой действительности. Ценным вкладом в сокровищницу советского музыкального искусства является двадцать седьмая симфония Н. Мясковского. Оратория С. Прокофьева «На страже мира» принадлежит к циклу произведений советских композиторов, посвященных всенародной борьбе за мир. В ответ на постановление ЦК ВКП(б) созданы вокально-симфоническая поэма Е. Жуковского «Славься, Отчизна моя!», «Кантата о Родине» А. Арутюняна, шестая симфония Яниса Иванова, симфоническая поэма «По ту сторону Аракса» Дж. Джангирова, народный по духу и мелодиям второй квартет украинского композитора А. Филипенко, квартет с вариациями на грузинские темы С. Цинцадзе и многие другие.

Все это успехи музыки реалистического направления, развивать и укреплять которые призвала партия. Одно из достижений в творчестве советских композиторов последних лет состоит в том, что все большую роль играет в нем программная музыка. Реалистическая программность, насыщенная социалистическим идейным содержанием, — вот путь, на который твердо встали советские симфонисты.

Серьезные успехи советской симфонической музыки, советской песни, звучащей все громче и шире, радуют наш народ. Но нельзя забывать, что есть еще в советских песнях и неудачные тексты, заметны в их мелодиях влияния джазовой музыки, упадочной западной экспентрики и пошлых интонаций мещанского романса.

Борьба за высокую идейность, народность и мелодическое богатство музыки, во всех ее жанрах, борьба за создание наиболее любимой народом музыкальной формы — оперы — вот задачи, которые стоят перед советскими композиторами.

Постановление ЦК ВКП(б) отмечало, что «...за последнее время не создано ни одной советской оперы, стоящей на уровне русской оперной классики». Мы можем отметить, что многие композиторы обратились к созданию оперы на современную тему и достигли известных успехов: поставлены на сцене «Молодая гвардия» Ю. Мейтуса по роману А. Фадеева, «Семья Тараса» Д. Кабалевского по повести Б. Горбатова «Непокоренные», «От всего сердца» Е. Жуковского, либретто которого создано по роману Е. Мальцева, «Каменный цветок» К. Молчанова по мотивам сказов П. Бажова и ряд других оперных произведений.

Но известные успехи советской оперы не могут заслонить того факта, что оперное творчество остается отстающей областью советской музыкальной культуры.

У нас еще мало опер о современной жизни советского общества, о героях нашей действительности. Во многих, даже лучших операх, отличающихся ясным гармоническим построением и большой эмоциональной силой, недостает мелодического богатства, нет запоминающихся арий, ярких музыкальных характеристик действующих лиц, что иногда порождается слабой драматургией опер.

Глубокое изучение жизни и народного творчества, следование реалистическим традициям русских классиков — вот залог успеха советской оперы. Укрепление творческого содружества композиторов и писателей — непременное условие развития советской оперной культуры. Вопросы совместной работы композиторов и писателей над созданием новых опер обсуждались в Союзе композиторов, в Союзе писателей и на страницах печати. Но пора реализовать хорошие решения и на деле осуществить то содружество композитора и литератора, мастера слова, без которого не могут быть достигнуты новые успехи советской оперы.

Огромная роль в развитии советской музыки принадлежит музыкальной критике. После постановления ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба», после разгрома космополитствующих элементов во всех областях советского искусства музыкальная критика достигла некоторых успехов. Но эти успехи явно недостаточны.

Критика обязана анализировать новые произведения, поддерживать все передовое в советском музыкальном искусстве, бороться против отсталых явлений в нем, обобщать, всесторонне осмысливать творческий опыт музыкантов. В решении этих задач критика попрежнему далеко отстает. Она робка, нетребовательна, не вполне еще освободилась от профессиональной узости, которая была серьезной преградой на пути ее развития. Она еще пассивна. Можно без труда перечислить музыковедов, которые пишут о современной музыке.

Журнал «Советская музыка» и газета «Советское искусство», прямой задачей которых является активное вмешательство в творческую практику советских композиторов, до сих пор еще не ставят с необходимой глубиной и остротой насущные вопросы советской музыкальной культуры.

До сих пор в творчестве некоторых композиторов порой наблюдаются рецидивы формализма. Об этом говорят то самодовлеющее любование тембровыми красками, то стилизаторская изысканность, то увлечение пряными гармониями, имеющими целью лишь нарочитое усложнение чисто формальных задач. Даже в произведениях, в основе которых лежит большая тема, подчас проявляются чуждые тенденции. Так было, например, в «Приветственной кантате» А. Локшина, в «Сюите на русские темы» талантливого композитора Н. Пейко.

Критика должна стать силой, оказывающей влияние на весь процесс развития советского музыкального творчества. Такой силой она не стала, — она плохо помогает решать насущные задачи музыки.

Дальнейшие успехи советской музыки зависят от того, как будет развиваться и укрепляться в ней народное, реалистическое начало. Композиторов вдохновляют слова И. В. Сталина, указывавшего в одной из бесед:

«Некоторые композиторы свысока смотрят на народное творчество, но они ошибаются. Народ свои песни шлифует в продолжение столетий и доводит до высшей ступени искусства».

Однако иногда народность в искусстве понимается упрощенно, вульгарно. Нельзя думать, что простое копирование русского песенного запева делает произведение национальным. Произведение, чтобы получить право называться подлинно народным, должно нести в себе прежде всего глубокую, близкую народу мысль, сильное и яркое чувство, целостную музыкальную идею.

Задача музыкальной критики — чутко улавливать те процессы, которые происходят в современной советской музыке, активно, последовательно бороться за социалистический реализм в музыке. Слабостью критики во многом объясняется то, что дискуссии по творческим вопросам среди композиторов проходят часто неудовлетворительно.

Первые успехи, достигнутые советскими композиторами за годы, истекшие со дня исторического постановления ЦК ВКП(б), свидетельствуют, что наши композиторы стоят на верном пути. Однако они не вправе довольствоваться достигнутым. Чтобы удовлетворить все возрастающие потребности советских людей, необходима напряженная работа по созданию новых, высокохудожественных, близких действительности музыкальных произведений. Следует помнить, что советская музыка звучит далеко за пределами нашей Родины, что творчество наших композиторов является вдохновляющим примером для деятелей музыкального искусства стран народной демократии, борющихся за преодоление буржуазных влияний, за развитие музыки на новых основах.

Нет сомнения, что наши композиторы оправдают высокое доверие народа, ждущего от них новых, высокохудожественных, созданных на основе глубокого знания жизни, произведений, вдохновляющих на великие подвиги в строительстве коммунизма, в борьбе за мир во всем мире.

ПЕРЕД ВЫБОРАМИ

Восемнадцатого февраля изберут депутатов своих Верховных Советов жители десяти союзных республик, еще через неделю — остальных шести.

В эти последние перед выборами дни во всех республиках происходят встречи кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных с избирателями. Кандидаты совершают поездки по своим избирательным округам. Эти встречи организуют доверенные лица. Армия агитаторов в свою очередь продолжает знакомить избирателей с жизнью и деятельностью кандидатов. В одном Тбилиси работают 16000 агитаторов, среди них много ученых, стахановцев, педагогов, колхозников.

Разнообразны формы большевистской агитации. В клубе колхоза им. Багирова в селе Сабирабад, Азербайджанской ССР, агитаторы выставили сделанный архитекторами макет колхозного города. В разработке проекта принимали участие многие колхозники.

— Голосуя за кандидатов сталинского блока, мы голосуем за сталинскую политику построения коммунизма, политику, которая дает возможность и нам, сабирабадцам, непрерывно улучшать жизнь, строить свой город, — рассказывал на одном из предвыборных собраний агитатор — председатель колхоза товарищ Мамедов. — Вы знаете, что уже сооружены свыше ста двухэтажных жилых домов, электростанция, школа, библиотека, радиоузел, гостиница, общественная столовая, кирпичные заводы. В нашем городе будет еще двести жилых домов. Дворец культуры со зрительным залом на тысячу мест, больница, почта, телеграф, универмаги, детские учреждения. Эту чудесную жизнь дает нам Сталин...

Имя Сталина у всех на устах — в избирательных округах, где великий вождь будет баллотироваться в депутаты Верховных Советов союзных и автономных республик, где будут баллотироваться кандидаты сталинского блока коммунистов и беспартийных.

НАША СОВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

От корреспондентов «Литературной газеты»

Первая книга

Быструю речку Икшу в самой ее излучине перехватила добротная плотина. Речка утихомирилась и впряглась в работу, как добрый объезженный конь. Без перебоя гудит турбина колхозной гидростанции в селе Липовке.

Липовку вы найдете на карте Пензенской области в границах Лунинского района. Это обыкновенное село, каких тысячи на русской земле. Но с некоторых пор у письмоносцев сельского узла связи прибавилось работы. Много писем стало приходить в адрес председателя сельского Совета. Это не только депутатская почта Бориса Яковлевича Бочкарева, избранного в Пензенский областной Совет. Много писем касается его книги.

В этой первой своей книге, выпущенной в прошлом году областным издательством тиражом в три тысячи экземпляров, Бочкарев рассказывает, каких достижений в хозяйственном и культурном строительстве добился Липовский сельсовет, широко вовлекая в свою деятельность сельских активистов.

Взять хотя бы гидростанцию. Любо смотреть, как по вечерам электрический свет заливает прямые улицы, сельскую площадь. В Липовке полностью электрифицированы не только дома колхозников и сельские учреждения, но и все животноводческие помещения. Теперь, когда мощность турбины увеличена, речь идет о том, чтобы полностью электрифицировать еще два соседних села — Еланку и Предславинку. По предложению актива электрифицируются трудоемкие процессы колхозного производства, улучшена работа сельского районного радиоузла, организован радиолекторий. Решено установить радиосвязь с полеводческими и тракторными бригадами — земельные площади у артелей немалые: у одной две тысячи, у другой три тысячи гектаров.

Книжка Б. Бочкарева рассказывает о повседневной работе Липовского Совета, его депутатов, находящихся на всех решающих участках производственной и культурной жизни села, показывает деятельность комиссий, секций, многочисленных активистов. Читатель видит, как неустанно Совет крепит нити, связывающие его с избирателями. Автор повествует, как с помощью актива были сооружены новые здания семилетней школы, клуба.

Со всех концов страны Пензенское областное издательство получает многочисленные требования на книгу Бочкарева. Она оказалась полезной и в Читинской области, куда просят выслать 900 экземпляров, и в Иркутской области, откуда получена заявка на 700 экземпляров.

Издательство предполагает выпустить второе издание книги председателя Липовского сельсовета.

В. РЕУТ

ПЕНЗЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

□ □

«Табор» в Сороках

Правобережная Молдавия. Районный городок Сороки на живописном берегу Днестра. Дорога к нему спускается с горы, и внизу видны черепичные крыши и белые стены домов. Городок обыкновенный, — в нем учительский институт, пять техникумов, восемь школ, музыкальное училище.

На окраине Сорок наше внимание привлекла толпа цыган в ярких одеждах, собравшихся вокруг кузницы. Старик-цыган с орлиным профилем и большой, почти до пояса, черной бородой без единой сединки вытаскивал из горна раскаленные куски железа и подставлял их под молоты, которыми ловко орудовали молодые парни.

Веселый перезвон доносился и из других дворов — всюду работали кузнецы, всюду слышалась цыганская речь.

У каменных домов, похожих на уютные дачи, хлопотали строители-цыгане.

— Для кого строите? — спросили мы молодого парня в длинной зеленой рубахе, торчащей из-под малинового жилета.

— Как для кого? — переспросил он. — Для себя. Жениться собираюсь, взял у государства ссуду и строю свой дом...

И, подмигнув, парень прочел знакомые нам с детства пушкинские строки о том, как

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют...

— Хороши шатры! — рассмеялись мы, любуясь каменными домами. — И все ваши, цыганские?

— Наши, — ответил парень. — Вот скоро съедутся все наши, еще построим...

— Значит, все же кочуете?

— В командировки уезжаем. Колхозы в Молдавии молодые, еще не все кузницами обзавелись, мы и помогаем им ремонтировать инвентарь. Сами видели, какие у нас мастера! Многие теперь сами стали колхозниками...

Мы обошли «цыганский табор» в Сороках — целую улицу в 20—25 новеньких, прочно построенных домов. Цыгане навсегда поселились в этом молдавском городке. Их дети учатся в школах, девушки и юноши — в техникумах. Правда, кое-что из традиций цыганского табора сохранилось и здесь — поселок возглавляет выборный «хозяин». И в то же время, вопреки традиции, он не самый старый человек в «таборе», а молодой парень, председатель кузнечной артели.

С. ГАРИН

г. СОРОКИ

ТАЛАНТЫ

Лариса Белоцерковская — медицинская сестра из Купянска — приехала в Харьков на областной смотр художественной самодеятельности. В Харьковском оперном театре она выступила вместе с сотнями певцов, музыкантов, танцоров, чтецов, съехавшихся со всех городов и сел области. После выступления девушке сказали, что ее хотят послушать преподаватели консерватории. Она немного смутилась:

— Почему же меня одну?..

Но войдя в комнату, где работала «комиссия по отбору талантов», девушка увидела, что она не одна. Невысокий паренек исполнял под аккомпанемент рояля песню «Москва — Пекин». Когда он окончил, его спросили:

— Кем вы работаете?

— Электриком на заводе.

— Музыку любите?

— Музыку, по-моему, нельзя не любить.

— А учиться хотите?..

Лариса Белоцерковская с детства любит музыку, ее сегодняшнее выступление в театре прошло с успехом. Вдруг и ей тоже посоветуют учиться?

Размышления девушки прервала кандидат искусствоведческих наук Марина Ивановна Егорычева, приехавшая на смотр из Киева:

— Теперь поговорим с вами. На сцене я вас уже слушала, хотелось бы познакомиться поближе.

Она села за рояль:

— Спойте.

Девушка спела.

— Хорошо, — сказала М. Егорычева. — У вас, несомненно, есть способности. Их надо развивать. Будем рекомендовать вас в консерваторию.

В комнату приходили со сцены новые девушки и парни. Их слушали преподаватели консерватории, композиторы, профессиональные артисты, руководители харьковских театров. Наиболее способных комиссия рекомендовала в консерватории, музыкальные и хореографические училища, театральные институты: колхозницу Марию Токарь из Барвенковского района, молодую сельскую учительницу Людмилу Чишко, слесаря Владимира Соснова, механика Юрия Богатикова, техника-строителя Юрия Бородина, мастера ремесленного училища Владимира Веприк и многих других.

Выступает Лариса Белоцерковская...

Смотры художественной самодеятельности прошли по всей Украине. Они выявили сотни одаренных людей.

В республике насчитывается свыше 86 тысяч драматических, хоровых и музыкальных коллективов, объединяющих более миллиона человек. Самодеятельным коллективам оказывают постоянную помощь театры и музыкальные учреждения Киева, Харькова, Сталино, Одессы, Львова и других городов. В помощь кружкам самодеятельности издано массовым тиражом около 50 одноактных пьес, несколько сборников песен, музыкальных композиций.

Широко открыт для советских людей путь в искусство.

Н. ИВАНОВ

ХАРЬКОВ

□ □

НОВОЕ В ШАХТАХ

...Освещая путь шахтерскими лампами, мы идем лабиринтом подземных ходов: обычные горные выработки, закрепленные деревянными стойками. И вдруг перед нами открывается белый тоннель. Он облицован небольшими плитами. Просторно, светло, чисто.

— Ну вот, смотрите, — сказал начальник участка шахты Ново-Мушкетово Афанасий Зуев. — Мы применили здесь бетонитовое крепление конструкции нашего Макеевского научно-исследовательского института. Это, во-первых, дешевле и долговечнее деревянного крепления. А внешний вид? Приятнее как-то, не правда ли? Сейчас в Донбассе уже около десяти километров горных выработок закреплено такой крепью — ее изготовляют специальные заводы, используя в качестве сырья породы терриконика. Но вы можете увидеть у нас и эффективные железобетонные и металлические крепления...

Начальник участка остановился у люминесцентной лампы, разливающей по штреку ровный мягкий свет:

— День приходит в шахту! Представьте, как она будет выглядеть, когда мы зальем ее дневным светом сверху донизу!

Зуев не случайно заговорил об этом. Он мог бы многое рассказать о комбайнах, электровозах, породопогрузочных машинах и других механизмах, которыми за последнее время оснащены шахты Донбасса, рассказать о том, как машины вытесняют тяжелый физический труд и высоко поднимают добычу угля. Но теперь мысли горняка заняты и другим:

— Мы должны превратить наши шахты в подземные заводы высокой культуры труда.

В шахте Ново-Мушкетово работают комбайны «Донбасс». Эти машины, производящие одновременно зарубку, отбойку и навалку угля, имели очень существенный недостаток: они поднимали в лаве много пыли. Борьбой с пылью занялись сотрудники Макеевского научно-исследовательского института по безопасности работ в горной промышленности. Они затратили много сил, времени, средств, но задача решена. На комбайнах установлены оросительные устройства, и угольная пыль, образующаяся во время зарубки и погрузки угля, уничтожается водой. В Макеевском институте создается и другой уловитель, который, завихряя пыль, втягивает ее в аппараты, а затем сбрасывает в специальный бункер.

Работники института конструируют еще одну интересную новинку — шахтную установку для регулирования влажности и температуры воздуха. Испытывается установка по отсасыванию рудничных газов.

На многих шахтах Сталинской области можно увидеть «подземный трамвай» — специальные вагонетки для спуска и подъема горняков по наклонным выработкам. Группа инженеров, сконструировавшая «подземный трамвай», удостоена в прошлом году Сталинской премии.

Новые виды крепления, «подземный трамвай», дневной свет, очистка воздуха от пыли — это только часть большой работы по улучшению условий шахтерского труда. Над решением этой проблемы трудятся сотни ученых, инженеров, новаторов производства.

Н. НИКИТУШКИН

СТАЛИНО

□ □

ЧЛЕН ТЕХНИЧЕСКОГО СОВЕТА

На заседании заводского технического совета слушалось сообщение о рационализаторском предложении — сокращении технологического процесса гнутья пружин до двух операций. Предложение сулило выгоду, его одобрили почти все члены совета — начальники цехов, ведущие конструкторы, технологи.

— Нет возражений? — спросил председатель совета, главный инженер А. Дружков.

— Есть возражение! — поднялся со своего места слесарь И. Суряхин. — Думается мне все же, что здесь достаточно и одной операции.

Он объяснил свою идею. Мысль была верна, и технический совет предложил Ивану Михайловичу Суряхину разработать новый проект. Через три дня он передал в конструкторское бюро эскиз своего приспособления.

... Около двух лет назад слесарь-новатор Суряхин был выдвинут членом технического совета завода имени Молотова. Новая деятельность пришлась по душе этому беспокойному, творческому человеку. Окончив работу, он шел в другие цехи и в качестве консультанта знакомился с поступавшими на завод новыми заказами. Он советовал, спорил, доказывал, если с ним не соглашались.

Талантливый слесарь-новатор создал так называемые «суряхинские» автоматы — приспособления, известные далеко за пределами завода. Экономия, которую дали заводу изобретения Суряхина, исчисляется в миллионах рублей. Автомат по изготовлению колец, созданный Суряхиным, не только полностью механизировал эту трудоемкую операцию, но и увеличил производительность труда примерно в 25 раз.

Побывав на одном из ленинградских заводов, Суряхин увидел станок для автоматической упаковки бритвенных лезвий. «Почему мы не можем так же упаковывать пружины, — подумал он. — Правда, пружины имеют более сложную форму, но в принципе мысль верная». И Суряхин работает над созданием станка для механической упаковки пружин...

Недавно он наблюдал, как девушка-контролер вручную проверяет стальную ленту на изгиб. Для проверки каждого отрезка ей приходилось делать до сорока движений. У изобретателя возникла мысль автоматизировать проверку ленты. Придя домой, он набросал несколько эскизов будущего станка. Опытный образец автомата будет готов ко дню выборов.

Дома над рабочим столиком Суряхина — книжная полка. Здесь можно увидеть многие новинки технической литературы. По вечерам Суряхин часто слушает лекции в Доме техники. Он учится много и плодотворно.

Деятельность этого слесаря-новатора, члена технического совета завода — яркий пример того, как в нашей стране постепенно стирается грань между физическим и умственным трудом.

Б. ГУСЕВ

ЛЕНИНГРАД

Международные отклики

ОХОТНИКИ ЗА ПУШЕЧНЫМ МЯСОМ В ЯПОНИИ

Трумэновская «мирная миссия» в составе патентованного поджигателя войны Даллеса, нефтяного короля Рокфеллера, помощника военного министра Джонсона и других уже более двух недель находится в Токио, куда прибыла, чтобы «ускорить заключение мирного договора с Японией».

«С этой же целью мы посетили Японию в июне прошлого года, — заявил один из членов миссии «миротворца» Даллеса. — Но сейчас нам необходимо получить более свежие данные, так как положение в мире значительно изменилось».

Что и говорить! В июне прошлого года в змеином логове — макартуровской ставке в Токио царило радостное возбуждение: по данному Даллесом сигналу сеульские марионетки ринулись на север.

Ныне Даллес явился в ставку битого «верховного главнокомандующего» армией интервентов не как триумфатор.

Существо «мирной миссии» Даллеса состоит в том, чтобы спешно произвести заготовку пушечного мяса для попавших в беду империалистических разбойников и приготовить «соус» по рецепту Макартура: заключить с правительством Посида сепаратный мирный договор, по которому в Японии останутся американские войска, а также военные, морские и воздушные базы. Япония, став в результате этой операции «независимой страной» и вступив в Организацию Объединенных Наций, предоставит в распоряжение Вашингтона свою армию под «испытанным» в Корее жульническим предлогом участия в «полицейских действиях ООН».

Характерно, что еще до приезда Даллеса Макартур издал секретный приказ о срочном формировании в Японии миллионной армии наемников. Самураи, от которых сей генерал не раз спасался бегством, внушают ему большее доверие, чем то разношерстное воинство, которым он так бесславно командует ныне (сейчас в этом воинстве насчитывается немало самураев!).

Нужно сказать, что и «верных союзников США» — европейцев — вполне устраивает японский вариант. То, что неудобно сказать вслух «атлантическим друзьям» Трумэна, услужливо высказал за них «нейтральный» швейцарский буржуазный журнал «Ди Вельтвохе». «Решение было бы верным, — заявляет он, — поскольку азиатский театр военных действий питался бы народами с одинаковой психологией (!) и США смогли бы внести большой вклад в Европе».

Казалось бы, что японцы должны на руках носить своего благодетеля мистера Даллеса, открывающего перед ними столь заманчивые перспективы! Между тем наблюдается обратное. Трумэновский посланец чувствует себя в японской столице едва ли лучше, чем охотник за европейским пушечным мясом Эйзенхауэр чувствовал себя в Европе.

◆ ◆

РАДИОЭКВИЛИБРИСТЫ ИЗ БИ-БИ-СИ ПРОГОВАРИВАЮТСЯ...

Лейбористские правители Англии встревожены не на шутку. Дело в том, что позорное голосование английского представителя ООН Джебба в поддержку американской резолюции, клеветнически объявляющей Китайскую народную республику «агрессором», вызвало, по признанию «Нью стейтсмэн энд нэйшн», «взрыв негодования по всей стране». Спасая свой подмоченный «престиж», лейбористские лидеры прибегают к испытанному средству — реакционной прессе и радио дана команда усилить «обработку» общественного мнения.

Весьма характерным примером такой «обработки» является проведенная на днях «радиодискуссия» о внешней политике Великобритании.

По указке обозревателя Маккензи фигуры, представляемые слушателям в качестве «домашней хозяйки», «рабочего», «учителя» и т. п., поочередно изрекали по шпаргалке соответствующее «мнение». Проведя короткий опрос подставных фигур у микрофона, Маккензи «бодро» подвел итог: «Итак, большинство опрошенных считает, что война, вероятно, произойдет. Это значит, что наша страна должна быть готова к войне и, следовательно, вооружаться». Длинные уши поджигателей войны хорошо видны из-за этой тирады лондонского обозревателя. Однако дело не в этом. Пытаясь придать видимость «объективности» своей радиопостановке, Маккензи и его хозяева, как гласит английская поговорка, «выпустили кота из мешка».

Главным гвоздем «радиодискуссии» был вопрос об англо-американском «сотрудничестве». Маккензи пытался подсунуть своим слушателям двуличную игру английской дипломатии в ООН, потворствующей расширению американской агрессии, в качестве политики, направленной якобы на «предотвращение войны»! В качестве «подкрепления» перед микрофоном в конце дискуссии появился некий мистер Дюрант, директор английского филиала американского института Гэллопа, занимающегося «изучением» (то-есть, как правило, фальсификацией) общественного мнения.

Однако результаты оказались явно неутешительными. Даже из преуменьшенных данных мистера Дюранта явствует, что более половины опрошенных институтом англичан относится к США (как мягко выражается мистер Дюрант), «как к любой стране», и требует проведения «самостоятельной политики»!

Видимо, не под силу радиотрюкачам из Би-Би-Си замаскировать серьезную тревогу, охватившую самые широкие круги английской общественности. Тот же еженедельник «Нью стейтсмэн энд нейшн» поместил на днях весьма характерное письмо видного лейбористского деятеля, профессора Оксфордского университета Джорджа Коула. «Если Великобритания окажется втянутой американцами в войну в Китае, — пишет Коул, — я буду на стороне Китая, так же, как и достаточно большое число моих соотечественников...»

Надо ли говорить, что признание лейбористского ученого опровергает тонны радиолжи, с помощью которой эквилибристы из Би-Би-Си пытаются извратить мнение английского народа.

ЛИТЕРАТОР

Вас. АРДАМАТСКИЙ

ЖИЗНЬ ТОКАРЯ

1.

В июльские дни 1881 года в семье потомственного эстонского батрака Югапеса Калласа родился сын. Его назвали Густав. Отец шутил: «После жены — моя вторая в жизни собственность...»

Когда Густаву было шесть лет, мать сказала ему:

— Ты уже можешь работать. Я сговорила тебя пастушком на хутор. Будешь все лето сыт, а может быть, и на зиму чего привезешь...

Четыре лета подряд Густав пас скот на кулацком хуторе. Он помнит об этих годах немногое: что летом ему всегда хотелось есть; что коровы всегда лезли, куда не положено; что хозяин бил очень больно. В последние два года пастушеской карьеры зимой Густав ходил в начальную школу. На этом его образование и закончилось. Но на всю жизнь остались воспоминания об этих двух необыкновенных зимах, когда перед ним раскрылись тайны грамоты.

Потом три года Густав служил батраком у кулака. За первый год кулак справил ему одеженку, за второй год — купил ему сапоги и дал пять рублей, за третий — сшил костюм из рядинны и дал десять рублей. Тогда Густаву казалось, что все так и должно быть. Но не пройдет и десяти лет, как судьба столкнет его с молодым революционером Михаилом Калининым. Густав расскажет о своих батрацких заработках, и русский токарь скажет ему:

— А ты не подумал, Густав, почему кулак твой богатый, а ты бедный? Да только потому, что богатство, которое делали батрацкие руки, он брал себе, а вам шил опойковые сапоги.

...Отбатрачив три года, Густав попал в город. Конторе немецкого фабриканта Ротермана понадобились ноги Густава. Он стал мальчиком для посылок. Как старался Густав! С какой скоростью носился он по городу!.. Фабрика выпускала сельскохозяйственные машины. Густав за первый месяц своей новой службы успел побывать во всех цехах фабрики и даже успел составить убеждение, что самая лучшая профессия у токаря. Он мечтал об этом и с этой своей мечтой надоел всему фабричному начальству. Над ним в конце концов решили посмеяться—отправили парнишку в кузнечный цех, где рослые богатыри орудовали молотами огромной величины... Но стремление к труду было столь сильным, что вскоре малорослый паренек уже заправски владел тяжелым молотом. Густав Каллас стал кузнецом. Однако болезнь глаз помешала ему стоять возле кузнечного горна. Густав вынужден был уйти с фабрики и поступить токарем в Ревельские железнодорожные мастерские.

И здесь познакомился он с Михаилом Калининым, работавшим в тех же мастерских.

2.

Густав Каллас в колесный цех Ревельских железнодорожных мастерских поступил в 1900 году. Ему шел тогда девятнадцатый год. Сейчас Густаву Калласу 70 лет. И он попрежнему работает в том же цехе, стоит на том же самом месте и занят все тем же — обточкой колесных пар. Как будто ничто не изменилось за 50 лет, а какая жизнь прожита!.. Сколько в ней событий, исполненных героики и драматизма, сколько горя и счастья! И какие в ней произошли изменения!

Начало 1902 года. Приметил Густав в цехе новичка токаря, очень он сноровисто работал. Когда встретится взглядом, непременно улыбнется. А тут получилась такая неприятность. К станку Густава поставили колесную пару нового типа. Он таких еще ни разу не видел и ума не мог приложить, как их укрепить на станке. Ходит вокруг и, не зная, что делать, нервничает. А новенький токарь смотрит на него и смеется. Потом подходит и говорит — сделай так и так. Сделал — все в порядке...

Токарь говорит:

— Давай знакомиться. Я — Михаил Калинин...— Познакомились.—Не стесняйся,—говорит,—если чего не знаешь, спрашивай.

Но как-то так получилось, что потом молодые рабочие задавали Калинину вопросы не о колесах и резцах, а о жизни.

— Прямо удивительно, как он ясно все понимал,— рассказывает Густав Каллас.— У кулака батрачил я, а он про это так рассказал, будто глаза мне промыл. А в другой раз зашла беседа о жизни. А жизнь у нас была не легкая, работали по тринадцать с половиною часов в сутки, платили нам копейки, без конца штрафовали. Здоровье мы свое надрывали, а когда силы уйдут — голодная смерть... Страшно стало, как он обо всем этом говорил. Потом улыбнулся и спрашивает:

— Где же та соль спрятана, чтобы можно насолить господам, которые из нашего пота золото себе чеканят? Далеко та соль, в самом Петербурге. И сидит на ней царь. Стало быть, надо его сковырнуть. Николай второй, он же и последний...

Сказал такое, а сам смеется, как сейчас помню. Вот так мы вместе работали, разговаривали о жизни, читал он нам вслух газету «Искра», давал советы. В январе 1903 года прямо в цех явились жандармы и увели нашего друга...

В 1905 году Густав Каллас участвует в революции. Ревельские железнодорожные мастерские бастуют. Друзья Калинина — активисты забастовки. Но как им нехватало русского друга! Боролись наощупь, и их хитро обманули. Они требовали восьмичасового рабочего дня и увеличения заработной платы. Администрация пообещала требования рабочих выполнить. Только-только разгоравшийся огонь борьбы погас, и тотчас начался звериный жандармский террор.

1917 год. Октябрь. В Питере свергнуто Временное правительство, провозглашена советская власть. Токари колесного цеха читают в газетах имена новых руководителей новой России: Ленин, Сталин, Свердлов, Калинин.— Постойте, постойте! Какой Калинин? Не наш ли, что говорил: «Николай второй и последний» и смеялся при этом? Ну, конечно, наш!..

А в Эстонии бурлит свой Октябрь. В Ревеле собирается на первое заседание советское правительство. Густав Каллас и его друзья — теперь хозяева всего: и мастерских, и всего города, и всей эстонской земли.

И когда по зову эстонской буржуазии в Эстонию ворвались немецкие дивизии, Густав Каллас не сразу даже понял, что произошло. Это было похоже на солнечное затмение, на внезапный приход ночи среди ясного дня. Буржуазия после пережитого ею страха огонь революции тушила народной кровью. Началась ночь, длившаяся более двадцати лет.

Что произошло за это время в жизни Густава Калласа?

Вот он сидит сейчас передо мной, положив на стол сильные жилистые руки, и на мой вопрос долго не отвечает. Потом медленно говорит:

— ...В 1923 году умер мой единственный сын...— и снова молчит и вдруг с яростью произносит:—Нет более страшного врага у человека, чем власть капитала! Она отнимает у человека жизнь, даже самое маленькое счастье.—Густав Каллас обрушивает на стол свой тяжелый кулак с черными от металла маслаками и, тотчас распрямив ладонь, говорит:—А советская власть дает человеку жизнь и еще в придачу огромное счастье. Люди во всем мире могут мне поверить: это так!

3.

Последние пять лет своей жизни Густав Каллас называет «пятилеткой счастья». Вот как кратко и просто рассказывает об этой пятилетке он сам... Сперва горе. Последнее горе. Убегающие фашисты разграбили родной завод. Сломали или увезли станки. Но очень скоро на завод были доставлены новые мощные станки и началась работа. Свободная, радостная—для своей великой родины. Колесная пара — тяжелая штука, но когда на руках нет цепей, и колесная пара становится легче. А когда тебе в цех ставят еще передвижной кран, разве можно работать плохо?..

— В 1948 году выбирают меня депутатом в Таллинский городской Совет. Власть — это всегда заботы, но о ком заботы? О народе. Такие заботы — лучшая радость для человека. Как депутат, я работал честно: что избиратели мне наказали, все сделал. В пятидесятом году меня опять выбрали в городской Совет. А сейчас выдвинули в Верховный Совет всей республики. Когда меня на заводе выдвинули, я сказал товарищам: «Стар я и малообразован, на всю республику не подойду». А они ответили: «Ты это уже говорил, когда тебя в горсовет выбирали. А ведь подошел?» Тогда я им прямо говорю, что боюсь, а они: «Мы тебе поможем». Тогда я сказал: «Если рабочий класс обещает помочь человеку, этот человек может сделать все»... Вот и выдвинули. Если к человеку такое доверие, что ему делать? Прежде всего так работать, чтобы люди видели, что их вера в человека породила в нем беспокойство. Вот я и работаю с беспокойством. За годы послевоенной сталинской пятилетки я уже дал восемь годовых норм.

В ноябре 1945 года Густав Каллас получил весточку от Михаила Ивановича Калинина. Председатель Президиума Верховного Совета СССР приглашал таллинского токаря приехать в Москву на день его семидесятилетия. Густав Каллас поехал. Как он волновался всю дорогу! Он помнил простого и веселого русского токаря, а теперь ему предстояло увидеть президента великой страны. В Кремле Густав Каллас шел по дворцовым коридорам, залыхаясь от волнения. И вот перед ним стоял скромно одетый человек с седыми волосами и бородкой клинышком, а из-за стекол очков смеялись очень, очень знакомые глаза того токаря, что 43 года назад работал за станком рядом с Густавом.

— Ай, ай, ай, Каллас, какие, оказывается, мы с тобой старые!

Густав Каллас, пожимая руку Михаилу Ивановичу, сказал:

— Рабочая старость — радость: вон сколько сделано!

Густав обвел рукой вокруг, будто он имел в виду весь мир. Михаил Иванович засмеялся:

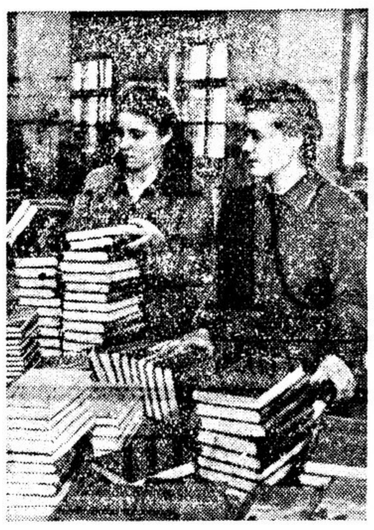
— Это верно, старина, очень верно.

На память об этой встрече товарищ Калинин подарил Густаву Калласу свой портрет. На нем написано: «т. Калласу в память совместной работы. М. Калинин. 30. XI 1945 г.».

***

На предвыборном совещании 7-го избирательного округа г. Таллина обсуждались выдвинутые в этом округе кандидатуры в депутаты Верховного Совета Эстонии. Говорили о великом вожде народов товарище Сталине, о славном сталинском соратнике товарище Кагановиче и о токаре колесного цеха Таллинского паровозо-вагоноремонтного завода Густаве Калласе. С трибуны совещания звучали голоса, старые и молодые. В зале гремели аплодисменты, и когда произносили имя великого вождя и когда рассказывали о жизненном подвиге простого токаря.

Сам Каллас сидел в президиуме, внимательно слушая всех ораторов. За его спиной возвышался украшенный цветами портрет товарища Сталина. И казалось, что великий вождь и токарь в этом зале — рядом, как все время рядом звучали их имена в речах ораторов. И никого это не удивляло, ибо это сама наша жизнь, в которой сплетены судьбы советских людей— и тех, кто стоит у станка, и тех, кого партия и народ поставили во главе великого государства трудящихся.



Украинская писательская общественность готовится к декаде украинского искусства и литературы в Москве. Государственное литературное издательство Украины готовит в связи с этим выпуск 74 книг лучших прозаиков, поэтов и драматургов республики. Эти издания печатаются на Одесской книжной фабрике. На снимке: контролеры фабрики М. Войникова (слева) и Л. Елисеева проверяют книги перед выпуском их в свет.

Фото А. ФАТЕЕВА

По следам выступлений

«Литературной газеты»

«ГОВОРИТ КИНЕЛЬ»

Под таким заголовком в № 83 за 1950 год «Литературная газета» поместила выступления участников совещания, проведенного в городе Кинель, Куйбышевской области. Кинельские учителя, врачи, инженеры, советские и партийные работники говорили о серьезных недостатках благоустройства города.

По сообщению секретаря Кинельского райкома ВКП(б) тов. Рыбкиной, городской Совет при активном участии общественности принял ряд мер к тому, чтобы благоустроить город. Открыта железнодорожная средняя школа, отремонтирована железнодорожная баня. Построена ограда сквера, на улицах установлены громкоговорители. Заканчивается строительство Дома культуры.

Составлен план благоустройства города на 1951 год.

«Материал совещания, опубликованный в газете, — заключает тов. Рыбкина, — значительно помог в благоустройстве города Кинель».

□ □

«ПУСТО В САРАТОВСКОМ ДОМЕ УЧЕНЫХ»

В статье под таким заголовком («Литературная газета» от 14 декабря 1950 г.) критиковалась деятельность Саратовского Дома ученых. Правление Дома ученых, совместно с активом обсудив статью, признало, что она правильно отражает факт неудовлетворительной работы Дома ученых, и наметило меры по улучшению его деятельности.

□ □

«ТВОРЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ — ПОСТОЯННЫЙ МЕТОД НАУЧНОЙ РАБОТЫ»

В передовой статье «Творческие дискуссии — постоянный метод научной работы» («Литературная газета» № 115, 1950 г.) отмечалось, что ценное начинание научной общественности Московского энергетического института имени Молотова, организовавшей обсуждение экономической части дипломных проектов, не было поддержано кафедрой экономики энергетики. Обсудив статью «Литературной газеты», кафедра признала критику правильной. В принятом решении указывается, что вопросы, поднятые в ходе дискуссии, имеют не только узкое отраслевое, но и серьезное народнохозяйственное значение. Намечен ряд мероприятий для дальнейшей разработки поставленных проблем.

Д. АВДУСИН

Древнерусские кузнецы

До недавнего времени одним из наименее исследованных вопросов археологии была история металлургии и металлообрабатывающей техники. Археологи не имели достаточно ясного представления об изготовлении металлических орудий производства, хотя орудия производства, по словам Маркса, имеют такую же важность для изучения прошлых общественно-экономических формаций, как строение останков костей для изучения исчезнувших животных видов.

Общая картина развития древнерусского ремесла впервые была дана в работе Б. Рыбакова «Ремесло древней Руси», удостоенной Сталинской премии. Но эта работа, естественно, не в состоянии была исчерпывающе рассмотреть все отрасли древнерусского ремесла.

Одной из таких отраслей посвящена кандидатская диссертация молодого ученого Б. Колчина «Черная металлургия и металлообработка в древней Руси», которую он защитил в Институте истории материальной культуры Академии наук СССР.

Б. Колчин сочетает две различные специальности: инженера-технолога и историка-археолога. Свои знания инженера он сумел плодотворно применить в области археологической науки. Кроме морфологического изучения огромного количества железного инвентаря древних веков, Б. Колчин впервые применил к нему комплексный металловедческий анализ. Многие изделия были подвергнуты микро-, макро-, рентгеноструктурному и спектральному анализам, что дало интереснейшие результаты.

Древнерусские кузнецы не довольствовались природным составом железной руды, которая имелась на территории Руси. Путем просушки, обжига, промывки, просеивания, удаления посторонних примесей они обогащали руду. Археологический материал I—VII веков н. э. с городищ Белоруссии помог установить, что не позднее середины первого тысячелетия нашей эры в центральной и северной полосе Восточной Европы примитивные железоделательные печи были заменены наземными сыродутными печами. К концу VIII века в связи с бурным подъемом производительных сил на территории Восточной Европы эти печи вытесняются новыми, имеющими в несколько раз больший объем.

Молодой ученый внимательно исследовал оборудование и инструментарий древнерусской кузницы. Кузницы имели горны, воздуходувные меха и все необходимые горновые принадлежности. Инструмент был многочислен и разнообразен, состоял из наковален, молотов, молотков-ручников, клещей, разнообразных видов зубил, напильников, штампов, гвоздилен и пр.

Была исследована технология производства почти пятисот кузнечных изделий. Оказалось, что древние русские ножи имели стальные лезвия. Особенно замечательны самозатачивающиеся ножи. Древнерусским кузнецам было известно несколько способов изготовления этих лезвий.

Вопрос о местном русском производстве топоров, кос, серпов, ножниц и пр. не вызывал сомнений. Иное мнение существовало о происхождении оружия. В частности, мечи считались привозными из Западной Европы, а норманисты приписывали им скандинавское происхождение. Б. Колчин исследовал технологию производства мечей. Выяснилось, что она была не сложнее, чем технология изготовления серпов или кос и была известна древнерусским кузнецам. Мечи, например, из Гнездовских курганов под Смоленском были изготовлены из местной руды, что доказано спектральным анализом. Доказательство местного изготовления мечей древнерусскими кузнецами наносит еще один серьезный удар норманской теории.

Всевозможная ковка, сварка, цементация, обточка, резка, полировка, пайка, инкрустация — все эти технологические приемы были известны мастерам древней Руси. Особо сложной была операция сварки железа с высокоуглеродистой сталью, так как для нее требовалось точное определение сварочной температуры. Микроструктурное изучение сварочных швов показало, что сварочная техника древнерусских мастеров уже в X веке стояла на высоком уровне. Тонко разработанная и хорошо освоенная технология сварки давала возможность изготовлять в большом количестве разнообразные высококачественные орудия труда, инструменты, оружие.

В результате исследований Б. Колчина установлено, что специализированные кузнецы древней Руси (X—XIII века) в совершенстве владели высокоразвитой технологией механической и тепловой обработки железа и стали. Творческая мысль русских мастеров во всех областях металлургического и металлообрабатывающего производства не отставала, а в некоторых отраслях значительно опережала развитие техники в странах Западной Европы.

В советской науке происходят замечательные процессы взаимопроникновения различных отраслей знания, обогащающих друг друга. Мы встречались с остроумным использованием авиации в работах хорезмийской экспедиции проф. С. П. Толстова. Б. Колчин предпринял новую успешную попытку в этом направлении. Его методы исследования древних изделий из черного металла заслуживают широкого распространения. Они могут быть применены к изделиям из цветных металлов, стекла, тканей и т. п.

Дальнейшее расширение методов археологических исследований откроет новые возможности перед наукой, поможет еще глубже проникнуть в прошлое нашей Родины.

КНИГИ С. ПОДЪЯЧЕВА

К 85-летию со дня рождения

За последние годы книги С. Подъячева издавались сравнительно редко. Однотомник его произведений должен был выйти десять лет назад, в связи с 75-летием со дня рождения писателя. Книга печаталась в Калуге в трудные дни 1941 года. Фашистские полчища заняли город. Все книги были сожжены.

Выпущенные ранее собрания сочинений и отдельные произведения С. Подъячева стали библиографической редкостью. Тем более отрадно, что ныне советские читатели вновь получат книги писателя, чье имя, по выражению М. Горького, «останется в истории русской литературы, как имя человека, изобразившего деревню во всей ее жути, которая — надо верить — скоро и навсегда издохнет».

В конце прошлого года рассказы С. Подъячева вышли 150-тысячным тиражом в библиотеке «Огонька». Одной из первых книг этого года в издательстве «Московский рабочий» был том избранных произведений С. Подъячева, содержащий повести и рассказы «Мытарства», «Среди рабочих», «Зло», «Как Иван «провел время», «Семейный разлад», «Письмо» и др. Однотомник открывается вступительной статьей Н. Прутцкова.

Государственное издательство художественной литературы также выпускает избранные повести и рассказы С. Подъячева, написанные в 1902—1928 гг. В книге будут напечатаны четыре повести — «Мытарства», «Среди рабочих», «У староверов», «Забытые» и рассказы «Разлад», «Карьера Захара Федоровича Дрыкалина», «Благодетель», «Новые полусапожки», «Понял» и др. Произведения печатаются по текстам прижизненного издания полного собрания сочинений, выпущенного в 1927—1930 гг. В вступительной статье А. Котов рассказывает о жизни и творчестве писателя-реалиста, посвятившего свой талант описанию жизни старой русской деревни.

Вл. ЛИФШИЦ

Школа общественной деятельности

Когда за спиной только средняя школа, а лет отроду девятнадцать, не так-то просто притти впервые в чужой дом, к незнакомым взрослым людям и отрекомендоваться: «Я — ваш агитатор...» Это очень ответственно. Это значит: я разъясню вам политику большевистской партии и Советского государства; расскажу о внешнем и внутреннем положении нашей страны, о борьбе за мир, о великих стройках коммунизма, о советской избирательной системе; отвечу на ваши вопросы.

Аля Соснина, студентка географического факультета Московского университета, вероятно, не сразу решилась войти в дом № 44 на подмосковной станции Пресня...

Вот она постучалась. Ей открыли. Она сказала:

— Я — ваш агитатор...

— Заходи, дочка, заходи...

На пороге стоял Алексей Родионович Шахорин, старый рабочий, ныне пенсионер. Он так радушно приглашал Алю, что от первоначального смущения не осталось и следа. Вскоре она перезнакомилась со всеми обитателями дома. Это были приветливые рабочие люди: сын старика — слесарь Евгений Шахорин, кочегар Дмитрий Кузнецов, рабочий сахарного завода Иван Смирнов, домохозяйка Ольга Малышева...

Состоялась первая беседа. Аля рассказывала о строительстве Сталинградской и Куйбышевской ГЭС. Не обошлось без маленького конфуза. Ей перед беседой советовали «поменьше цифр, побольше политических обобщений». А железнодорожника Стрыгина интересовали именно цифры: мощность станций, протяженность каналов, вместимость водохранилищ. Аля не сумела назвать все. Пообещала ответить в следующий раз. А для себя сделала вывод: политические обобщения должны строиться на серьезном знании фактического материала.

На следующую беседу она шла к избирателям, как к хорошим знакомым. Она взяла с собой карту Крыма и фотографии, сделанные летом в степном Крыму, во время производственной практики.

Шла речь о Северо-Крымском канале. Будущий географ Аля Соснина привлекла для этой беседы все свои знания и, главное, личные впечатления от экспедиции. Перед слушателями возникла безрадостная, выжженная степь. Соль проступает из земли. Чебрец и сухая травка кермек — вот вся растительность: ни деревца, ни кустика, глазу не за что зацепиться. Гнилой Сиваш тускло мерцает под беспощадным солнцем... И какой чудесной получилась на этом фоне картина недалекого будущего, когда воды канала оросят солончаки и фруктовые сады придут сюда с побережья!

Об успехе этой беседы Соснина рассказала товарищам по агитколлективу. Они подхватили ее опыт — студентам-географам, побывавшим в разных концах страны, как говорится, и карты в руки!.. Тема сталинского плана преобразования природы зазвучала в их беседе образнее, ярче, чем прежде.

Студент Валерий Андроников — бригадир — посоветовал активнее вовлекать в беседу самих избирателей. Соснина приняла это к сведению. Когда заговорили о самой демократической в мире советской избирательной системе, агитатор попросила старика Шахорина рассказать про «избирательные права» в царское время. И последовал правдивый рассказ старого человека об угнетении и бесправии трудящихся в царской России.

Стало потребностью после каждого посещения избирателей советоваться с товарищами по агитколлективу. Юля Махова провела беседу об укрупнении колхозов. Эта беседа заинтересовала слушателей, и они активно участвовали в разговоре. Тоня Яшина, рассказывая о героической борьбе корейского народа против американских захватчиков, вызвала на разговор демобилизованного сержанта, вернувшегося в 1946 году из Северной Кореи. У Киры Виноградовой принял участие в беседе рабочий Николаев. В 1920 году в Москве он видел и слышал Владимира Ильича Ленина, провожавшего войска на польский фронт...

Две тысячи студентов всех факультетов Московского университета имени Ломоносова — филологи, географы, химики, историки, философы, математики, биологи — работают агитаторами по выборам в органы советской власти. Их можно встретить и в домах по улице Горького, и на пригородной станции Пресня, и на Ленинских горах, у рабочих-строителей нового здания МГУ.

Вдумчиво, инициативно, творчески работает большинство агитаторов. Иные уже не первый год приходят к избирателям, некоторые стали агитаторами недавно.

Подлинную школу общественной деятельности проходят студенты-агитаторы. В живом общении с народом молодежь приобретает и закрепляет необходимый общественный опыт.

***

Мне вспоминается белый палаточный лагерь на крутом берегу реки Систы. Багряный флажок полыхал в голубом июльском небе, а внизу, у самой воды, шла дружная и веселая работа. В пыхтенье локомобиля вплетался высокий звон пилорамы. На вагонетках-платформах пильщики подвозили могучие сосновые стволы. Стучали топоры — бригада плотников заканчивала мост через отводный канал. В трусах и высоких резиновых сапогах по катальным доскам с тачками и носилками пробегали загорелые ребята. Механики (тоже в трусах, но, кроме того, для солидности, в пиджаках и кепках) неспешно совещались возле бетономешалки. А в реке росла перемычка. Вода фонтанила и бурлила, пробиваясь сквозь камни. Она поднималась на глазах, и вот — хлынула в отводный канал. Громовое «ура» прокатилось над строительной площадкой!..

Это студенты и студентки Ленинградского политехнического института имени М. И. Калинина строили в Кингисеппском районе межколхозную ГЭС.

Студенты не только построили электростанцию. С первых же дней установилось живое общение между студентами и колхозниками. По вечерам студенты вели в колхозах беседы на различные политические и научные темы. Коллектив художественной самодеятельности разъезжал на грузовике по всему району. Тремя тысячами книг пополнили молодые ленинградцы одну из колхозных библиотек... И в то же время они сами жадно впитывали все новое, доселе неизвестное: знакомились с организацией труда в колхозах, с работой и бытом колхозной молодежи, с практикой мичуринцев. Читая доклады колхозникам, отвечая на их вопросы, участвуя в беседах, юноши и девушки приобретали навыки агитаторов и пропагандистов коммунистических идей.

«Мы не верили бы учению, воспитанию и образованию, если бы оно было загнано только в школу и оторвано от бурной жизни».

Так говорил тридцать с лишним лет назад Ленин, обращаясь к делегатам III съезда комсомола...

Комсомольская студенческая стройка мне вспоминается потому, что в ней ярко воплотилось стремление нашего студенчества к активному участию в общественной жизни страны, в строительстве коммунизма. Конечно же, она не заслонила главного, не помешала учебе. Наоборот! Стройка обогатила студентов драгоценным опытом, расширила их кругозор, новым светом осветила знания, получаемые в институте.

Можно вспомнить и о другом. О работе научных студенческих обществ, нередко выполняющих задания промышленности; о прочных связях институтов с производством; о кружках рабочей молодежи, руководимых студентами.

— Много лет преподаю в институте,— сказал как-то профессор Шателен, — а до сих пор не перестаю удивляться: ведь приходят совсем дети, а через год-полтора смотришь — перед тобой взрослые, самостоятельно мыслящие люди...

Речь шла не только о специальных знаниях, которыми успешно овладевают вчерашние школьники в высшем учебном заведении. Речь шла об их жизненном опыте, о политическом возмужании.

***

Но когда я вспоминаю обо всем этом, на память приходит один знакомый студент-второкурсник. О нем хочется рассказать особо.

У этого юноши незаурядные способности. О нем говорят: «будущий ученый...» Но он решительно отгородился от всего, что не имеет, как ему думается, отношения к избранной им специальности. Трудно поверить, но он не читает художественной литературы, не ходит в кино и в театр, не интересуется ни одним видом искусства. Комсомольские поручения (он комсомолец!) для него — тягостная обязанность. Он безучастен, подчеркнуто пассивен в общественной жизни.

А ведь, возможно, слушая лекцию, он сидит на той самой скамье, где сидел когда-то, будучи студентом, Вячеслав Михайлович Молотов или Михаил Васильевич Фрунзе...

Будет ли он ученым? Настоящим, большим ученым?

Энгельс писал во введении к «Диалектике природы» про ученых эпохи Возрождения:

«...они почти все живут в самой гуще интересов своего времени, принимают живое участие в практической борьбе... и борются кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим вместе. Отсюда та полнота и сила характера, которые делают их цельными людьми. Кабинетные ученые являлись тогда исключением: это или люди второго и третьего ранга, или благоразумные филистеры, не желающие обжечь себе пальцы».

Не следует ли моему знакомому второкуснику призадуматься над словами Энгельса?

***

Але Сосниной и ее товарищам не грозит опасность стать в науке «людьми второго и третьего ранга». Они живут в самой гуще интересов своего времени.

Разложив на столе политическую карту мира, Аля Соснина рассказывает избирателям о международном положении: о скандальной поездке Эйзенхауэра по странам Западной Европы; о военной катастрофе, постигшей американцев в Корее.

— Кошельком-то много не навоюешь,— говорит Иван Алексеевич Смирнов, рабочий сахарного завода.

— Как вы сказали? — переспрашивает агитатор

— Кошельком, говорю, не навоюешь много. Долларами.

— Это верно. Тут еще кое-что нужно иметь, — вслух размышляет кочегар Кузнецов.

— Они на технику сильно рассчитывают, — говорит Иван Алексеевич. — У них это называется «абсолютное оружие»: «летающая крепость» и тому подобное... Ничего в этой «летающей крепости» абсолютного нет, поскольку корейские летчики ее сшибают.

— Дело в том, что армия у Трумэна очень нестойкая, — говорит кочегар.

— А с чего же ей быть стойкой? — спрашивает агитатор. — Она разбойничья.

— Я про то и говорю.

***

Поздно вечером агитаторы оживленной гурьбой направляются к остановке автобуса. Морозно. Волосы у девушек побелели от инея. Ребята то и дело растирают уши. На путях гудит паровоз. Вот он проносится мимо, энергично работая локтями, словно тоже желает согреться, а за ним бойко тараторят товарные платформы, груженные строительным камнем. Студенты ждут, пока пройдет состав, а затем шагают через переезд.

— Я знаю, что мы приносим пользу,— говорит Виктор Мякокин, — но думаю, что еще больше пользы получаем от этой работы мы сами. Я, во всяком случае.

— Все. Не только ты.

— Я вот писала раньше протоколы, была техническим секретарем факультетского бюро ВЛКСМ... Но то ли дело—агитатор! Увлекательно, интересно, все время с людьми.

— А почему выбрали Виктора членом факультетского бюро? — вступает в разговор Валерий Андроников. — Потому что у него уже есть опыт агитационной работы.

— Можно сказать, вырос на этом деле, — смеется Виктор Мякокин.

— А что ты думаешь? Конечно!

— Ребята, автобус! Опоздаем... Бегом!..

***

Я думаю о том времени, когда и Виктор Мякокин, и Аля Соснина, и Валерий Андроников, и многие, многие тысячи студентов-агитаторов покинут стены своих институтов. Не только книжные знания и первоначальные практические навыки вынесут они оттуда. Нет. Географы и врачи, командиры производства и начальники экспедиций — все они, молодые строители коммунизма, будут активными агитаторами и пропагандистами всепобеждающих ленинско-сталинских идей.

Мариэтта ШАГИНЯН

НОВЫЕ КНИГИ О НАУКЕ

I.

Передо мною несколько книг, и каждая из них—подарок читателю. Не только городскому читателю. Как-то мне пришлось быть в одном из областных книжных коллекторов. Это — закрытое отделение книжного магазина (где всегда, впрочем, теснятся любители новинок), не продающее книги, а распределяющее их по области. С нарядом или заявкой в руках ходит работник коллектора между полками и ящиками и собирает или, как тут любят говорить, укомплектовывает для невидимых адресатов маленькие, аккуратные библиотечки. Но если вы захотите заглянуть невидимому адресату в лицо, узнать, как и что читает массовый, многомиллионный читатель, колхозный интеллигент, бригадир, учащийся, — разговоритесь с работником коллектора. Он вам непременно пожалуется. Он скажет, что самых нужных, больше всего требуемых книг нехватает, не получишь из центра, и приходится отказывать заказчику... Какая же книга сейчас более всего дефицитна в областном коллекторе?

Ответ неожиданный: хорошая научная, научно-популярная, непременно в переплете, с картинками, с рисунками. Есть колхозники, просто «гоняющиеся» за каждым томом из серии «Жизнь замечательных людей». Они хотят иметь у себя все решительно тома по порядку. Они запрашивают в письмах, когда выйдет следующая книга и кому она посвящена. И таким читателям приходится частенько отказывать: тиражи невелики, они — капля в море потребности. Тут же, в коллекторе, один из любителей новинок, рывшийся в каталогах, повернул к нам свое морщинистое, избитое ветром лицо в серебряных, должно быть, дедовских очках и пояснил, почему покупатель тянется к научной книге:

— Ро́ман (он сделал ударение на первом слоге), ро́ман быстро читается, он большим тиражом идет, — его и у соседа, и в библиотеке позаимствуешь. А научную книгу интересно купить, поскольку в ней нужда на долгое время. Ее сразу не прочитаешь, а и прочтешь — она все равно сгодится, для справки, для учебы, детям для уроков. Опять и рисунки, карты, портреты — вещь постоянная, нужная.

Итак, прочная надобность в научной книге проникла в нашу деревню, стала понятной миллионным читателям.

Как бы в ответ на спрос нам подарены в этом году книги, о которых хочется поговорить не в порядке обычной рецензии. Хочется напомнить прежде всего о нашем невнимании к таким книгам, нашем неумении почувствовать своеобразное и очень индивидуальное авторское лицо этих книг, разную степень труда (но всегда — не малого!), вложенную в них, огромность растущей в них нужды, огромность не только познавательной, но и воспитывающей, образовывающей роли, которую начинают играть, а в будущем решающе сыграют такие книги. Ведь учиться и образовываться — вещи разные. Можно выучить много вещей и не быть образованным человеком. Каждый народ, каждая историческая эпоха имеют свой тип «образованного человека», черты которого любопытно проскальзывают иной раз в шутливых определениях своего времени. И если, например, Пушкин писал о молодом человеке начала XIX — конца XVIII века:

Мы все учились понемногу,
Чему-нибудь и как-нибудь,

а Козьма Прутков иронически восклицал по адресу образованных людей второй половины XIX века: «Специалист подобен флюсу: полнота его одностороння», то в этих определениях не одна только легкая шутка.

В них пунктиром намечены: в первом — убывающий тип «образованности» XVIII века, когда поверхностное всезнание, кунсткамера мелочей, собрание анекдотов, блестящее умение обо всем поговорить, все охватить, ото всего отведать понемногу, но вместе с тем и хороший универсализм, хорошая тяга к закругленности, связанности сведений были главной целью и домашнего, и школьного воспитанья, главным упором в университетских программах. Во втором — в определении Козьмы Пруткова — нарастающий тип «образованности» XIX века, когда хозяйство капитализма потребовало не только все большей специализации и все большей дробности знаний, но и разорвало мировоззренческие, материалистические связи между специальными знаниями, привело к уродливой пропасти между одиночкой-специалистом, «флюсу подобным», и тейлоровским, не смеющим думать и знать, уподобляемым автомату рабочим.

Так вот, гражданин нашего нового общества уже вырабатывает свой тип «образованного человека», великий тип, бессмертным и вдохновляющим образцом для которого был Ленин, является товарищ Сталин.

Знать не для того, чтоб хвастаться эрудицией, знать не для одинокого наслажденья самим процессом познания, знать не для личного преуспеянья в обществе, а для великой отдачи себя народу, для мощного, сознательного движенья вперед, для управления природой и историей, для счастья говорить и сознавать: «мы», — мы, советский народ, новые люди планеты Земли, образованные люди, наследники двух тысячелетий (и больше) коллективного опыта человечества, умеющие связать его, охватить его, сделать его ступенью к Будущему,— большевики.

И оружием выработки такой — нашей — образованности становится сейчас, между прочим, и книга советского писателя о науке. Замечательно вот что: в этих книгах с удивительной ясностью сказалась индивидуальность каждого автора. Произошло это потому, может быть, что цель таких книг, намерение их, адрес, в который они пишутся, авторская позиция, с которой они написаны, определеннее, продуманнее и зрелее, нежели в иных романах.

Из книг, о которых идет речь,— в первую очередь отметим прекрасный и большой труд А. Морозова «Ломоносов», занявший почти тысячу страниц в издании «Жизнь замечательных людей».

Я прочитала его не как рецензент, а как читатель, испытывая острое воздействие на себя именно тех сторон в этом труде, которые можно назвать «образовывающими», а не поучающими только. И о них, об этом действии советского популяризатора науки на советского читателя, мне и хочется тут коротко рассказать.

«Ломоносов» снабжен предисловием С. И. Вавилова, написанным незадолго до смерти. И в этом предисловии уже намечен основной секрет воздействия книги Морозова, появившейся не случайно, а исторически неизбежно: «В XIX веке, — пишет Вавилов, — глубокий смысл деятельности Ломоносова перестал быть непосредственно понятным, о нем стали забывать, и только Великая Октябрьская социалистическая революция, с которой началась новая историческая эпоха в развитии нашей родины, вновь пробудила особое внимание широчайших кругов советских людей к Ломоносову. В результате огромной, напряженной работы ученых разных специальностей — естествоиспытателей, историков и литературоведов — за советские годы творческий образ Ломоносова раскрылся с поразительной полнотой. На этой основе стало, наконец, возможным дать полное и проверенное жизнеописание Ломоносова и раскрыть его значение для нашей науки и культуры в целом».

Книга Морозова впервые дает всего Ломоносова и впервые использует множество источников о нем не компиляторски, а художественно-творчески, и потому ее хотелось бы назвать энциклопедией-поэмой о Ломоносове. Пейзаж и экономика нашего Севера, Белое море с его островами (на которые и до сих пор возят морем колхозники пастись своих коров!); Москва и учение в Славяно-греко-латинской академии; Петербург и Германия; снова Петербург — деятельность ученого, государственного мыслителя, «сподвижника просвещения»; несколько царствований с образами характернейших русских самодержцев, от Петра Великого до ничтожного предателя своей родины Петра III; опала и смерть Ломоносова; тема его судьбы — вот краткое содержание книги, казалось бы, знакомое каждому из нас, кто когда-либо что-либо читал о великом поморе. А между тем все в этой книге необычайно свежо и ново. Две особенности воспринимаешь ярче всего — пространственную раздвинутость книги и такую выпуклую передачу времени, которую хочется назвать «стереоскопичностью времени». Мне кажется, именно две эти особенности помогают сделать таким жизненно-целостным и образ самого Ломоносова.

Морозов нигде не дает простого маршрута Ломоносова по земле, а всюду он раскрывает и оживляет каждый клочок, куда он ступал. Вот разъяренный студент Ломоносов бежит из Фрейберга, чтобы пробраться на родину. Обнищавший, в истрепанной одежде, он пешком пробивается из одного немецкого города в другой, — и это странствие Морозов показывает в тройном плане: вся разорванная политически на мелкие княжества Германия встает перед читателем; все особенности ее хозяйства и наук—от горного дела до университетских лабораторий—описываются и раскрываются; и странствующий по ней гениальный русский юноша, с его схватывающим, связывающим, испытующим мозгом, внимательными, прикованными к явлениям глазами, учится от всего встреченного, учится так, что читатель вместе с ним начинает учиться самой важной науке — умению учиться.

Стереоскопичность времени передается Морозовым на всем протяжении повести. Посмотрите, как он рассказывает об исходном месте и исходной точке истории Ломоносова—об архангельской земле. Обычно, когда читаешь о бегстве Ломоносова в Москву, невольно думаешь, что время начинается именно отсюда. А все, что там раньше было, — лишь образчик для сравнения с тем, что стало после, некое условное 100 проц., с которым в графиках обычно сравнивают нарастающие проценты последующего времени. А в этой книге вдруг видишь и понимаешь, что Север наш вовсе не был до Ломоносова чем-то диким и глухим, что там шла большая, своеобразная культурная жизнь со своей экономикой, начало которой уходило в седые, незапамятные времена. И вот этот рассказ Морозова обо всем, как о продолжающемся процессе; о времени, которое протянулось в будущее из отдаленнейшего прошлого,—и помогает почувствовать читателю очень остро тот самый сегодняшний день, в котором жил Ломоносов, не в его стилизующем под старину, манерном, маскарадном мнимо-историческом правдоподобии, а в его острой, реальной исторической злободневности. Вдруг вы оказываетесь современником Ломоносова, живете с ним вместе, в его время, и уроки его большой жизни остро чувствуете и усваиваете на потребу нашего сегодняшнего дня. Вот как сказано в книге о первой поездке Ломоносова за границу: «Из ослепительного Петербурга Ломоносов попал в европейское захолустье. В Петербурге все было непомерно, поражало своим размахом, огромностью начинания. Величественные здания высились у широких вод Невы. Вдоль прямой, как стрела, «невской перспективы» раскинулись затейливые дворцы, окруженные молодыми, еще не дающими тени садами. Сверкали позолотой нарядные, недавно отстроенные церкви. В Марбурге узкие, горбатые улицы с маленькими, отгороженными друг от друга, глухими домами. Красные черепичные крыши выделяются над одряхлевшими садами. Над городом нависли старый замок и сумрачная готическая церковь святой Елизаветы».

В той же главе, ниже, Морозов рассказывает о том, как Ломоносов был во Фрейберге свидетелем ночного торжественного шествия рудокопов в честь саксонского короля, и король ничем не отблагодарил их, кроме равнодушной улыбки. И тотчас прибавляет, как такое же шествие тридцатью годами раньше было устроено в честь Петра I, и восхищенный Петр, страстно заинтересованный в горном деле и всюду запросто посещавший рабочих людей, велел выкатить рудокопам 10 бочек вина...

Из картин, нарисованных Морозовым, читатель схватывает живое веянье времени, разницу между европейским захолустьем и передовой деятельностью Петра, прорубавшего «окно в Европу», точнее, в молодой капитализм.

Даже цитирование у Морозова носит особо живой характер, передающий злободневность цитаты. Рассказав о тоске Ломоносова по родине, он приводит, например, «полные трогательной нежности» стихи Тредиаковского, которые, по всей вероятности, читал Ломоносов:

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны...

Стихи Тредиаковского! Силлабические! Но прочитанные в контексте, они воспринялись мною во всей их музыкальной современности для того дня и часа, той эпохи, в которую они были созданы. И одна цитата, только цитата сделала вдруг понятным, и почему долго жили в нашем языке стихи силлабические, почему они могли казаться естественными и присущими его строю; и какой медью, какой металлической новизной зазвенел над их галльской женственностью могучий метрический стих Ломоносова, открывший в русском языке как бы новое, мужское качество:

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой...

Две цитаты, разделенные несколькими страницами, поданные без рассуждений от автора. Но читатель схватывает и рассуждает сам, схватывает живой, движущийся поток творящего времени, текущий через всю книгу Морозова с почти слышимым уху, ручейковым журчанием.

Замечательная книга! Закрывая ее, вы получаете необычайно жизненный и близкий образ Михайло Ломоносова. Весь творческий потенциал ученого и человека Ломоносова раскрыт в тех временны́х (временны́х, а не вре́менных!) связях, когда воспринимается бытие человеческое как завершение одних процессов, продолжение других и начало третьих, то-есть как подлинный кусок бытия.

НАЙДЕНА КАРТИНА К. МАКОВСКОГО

Эта картина известного русского художника Константина Маковского «Болгарские мученицы» была написана в 1876 году после его поездки по странам Ближнего Востока, Болгарии и Сербии. Картина выразила протест русского художника против зверства и надругательства турок над свободолюбивым болгарским народом, мужественно отстаивавшим свою независимость.

Полотно, возбудившее большой общественный интерес, показывалось на академической выставке и в 1877 году особо экспонировалось в Петербурге в пользу Красного Креста.

Но после 1877 года картина исчезла.

Спустя тринадцать лет Ф. И. Булгаков в двухтомном словарном сборнике «Наши художники», говоря о творчестве К. Маковского, упоминает и «Болгарских мучениц». В сборнике была напечатана репродукция с этой картины, единственная, пожалуй, репродукция, по которой можно было получить представление о ней.

Сейчас, спустя 75 лет, картина К. Маковского найдена. Ее разыскала и приобрела Государственная закупочная комиссия у одного частного лица.

Картина К. Маковского «Болгарские мученицы» отправлена в Минск для вновь открывающейся там Белорусской галлереи

П. МАКРУШЕНКО

Новые советские оперетты

Двадцать один театр музыкальной комедии готовит к постановке новые оперетты советских авторов.

В январе театры начали работу над тремя новыми музыкальными комедиями. Сталинградский театр принял к постановке оперетту И. Носова «Душенька» из эпохи Отечественной войны 1812 года, о русской девушке-партизанке.

Вслед за Ростовским театром, показавшим оперетту о советских спортсменах «Чемпион мира» С. Каца, ее ставят Ивановский, Воронежский и другие театры. Краснодарский театр готовит к постановке оперетту «Сын клоуна» И. Дунаевского.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

КАК А. ЦАРЕВСКИЙ СТАЛ ПОЭТОМ

Мне очень нравится стихотворение поэта Степана Щипачева «Бьют куранты». И поэтому я очень удивился, когда увидел на первой странице новогоднего номера челябинской газеты «Сталинская смена» стихи «Бьют куранты», подписанные неким А. Царевским. Весь труд его состоял в том, что он аккуратно переписал чужие стихи, присвоил их себе и подсунул редакции областной молодежной газеты. Правда, справедливость требует заметить, что начало первой строки «Встали все...» А. Царевский заменил на «В сборе все...», а в двадцатой строке «разом» переделал на «рядом». Если вмешательство в начало стихотворения не внесло существенного искажения, то второе изменение вызвало явную несуразицу.

Если за столом в минуты эти
Нет с тобой любимой,— все равно,
Слушая полночный голос меди,
Рядом с нею (?!) поднял ты вино.

Искренно жаль мне незадачливого А. Царевского, который так нехорошо начал новый год.

Г. ЗАЙЦЕВ,
учитель истории

На выставке художников книги

Недавно в Москве открылась вторая выставка художников книги. На ней представлено более восьмисот работ. В залах экспонированы эскизы переплетов, титульные листы, супер-обложки, форзацы, заставки и концовки, иллюстрации к произведениям русской и иностранной классики, современной советской и зарубежной литературы. Особое место занимают на выставке работы по оформлению книг И. В. Сталина и посвященных вождю сборников и альбомов.

Культура оформления советской книги значительно шагнула вперед. На выставке показаны работы художников-оформителей Я. Егорова и Е. Когана, иллюстрации О. Верейского к произведениям В. Катаева и П. Павленко, М. Клячко к «Севастопольским рассказам» Л. Толстого, Н. Шеберстова к «Хождению по мукам» А. Толстого и многие другие. Широко экспонированы работы художников-оформителей и графиков к изданиям для детей. Хорошо оформлены многие книги, изданные Гослитиздатом, Детгизом, «Советским писателем», Издательством иностранной литературы.

Нельзя, однако, не отметить и некоторых недостатков в организации выставки. Первая запись в книге отзывов гласит: «Выставка замечательная, но молодых мало». С этой оценкой трудно не согласиться.

Недопустимую небрежность, вызывающую законные нарекания посетителей, проявили устроители выставки в подписях под работами художников-оформителей. Так, под экспонированной на стенде обложкой книги стихотворений известного крестьянского поэта С. Дрожжина в пояснительной надписи сказано: «С. Дружинин. «Стихотворения». Другой пример: на обложке книги ясно сказано: «Дж. Ваян. «История ацтеков», а в пояснительном тексте: «Ваяк Д. Ж. «История ацтеков». Допущено в подписях и много других элементарных ошибок, тем более непонятных, что тут же воспроизведены обложки книг, на которых фамилии их авторов написаны, разумеется, правильно. Вместо О. Чечеткиной дважды в подписи стоит О. Чечейкина, вместо А. Гудайтис-Гузявичюс — Гудайтис-Гузавичус, вместо А. Зегерс—А. Загерс, вместо М. Бубеннов—М. Бубенов.

На многие из этих ошибок посетители указывали в книге отзывов, однако устроители выставки до сих пор почему-то не исправили их.

В. СУХАРЕВИЧ

Наше дело

Смешить во что бы то ни стало — вот принцип, который многие годы определял и выбор репертуара и стиль актерской игры в театре Сатиры. Содержательным комедиям он предпочитал ловко скроенные водевили, а поискам жизненной правды, глубоким чувствам и достоверности человеческих характеров — старые, испытанные комедийные приемы. Вот почему грубоватая буффонада, гиперболические преувеличения долго были особенностями стиля театра Сатиры, который не раз отступал от идейно целеустремленного и последовательно реалистического направления нашего театрального искусства.

Совсем недавно началась в театре Сатиры борьба за решительное обновление и репертуара и стиля актерской игры.

Спектакль «Не ваше дело» В. Полякова — доказательство продолжающейся борьбы за новое направление театра. И у веселой комедии должна быть серьезная цель. Есть такая цель и в комедии В. Полякова.

«Не ваше дело» — так говорила некогда обывательская премудрость, призывая человека заботиться только о своем эгоистическом благополучии, отстраниться от общественных интересов, государственных дел, от борьбы за лучшее будущее народа. Хозяин в своем отечестве — простой советский человек—начисто отвергает этот мещанский принцип. Ему до всего есть дело в государстве трудящихся, в обществе, где создается всеобщее счастье—коммунизм.

И примечательно, что В. Поляков — автор-профессионал, эстрадный драматург, знающий все испытанные приемы комедийного искусства, — написал комедию не по ветхим старым канонам, а во многом преодолевая их. Он создал пьесу не «для театра Сатиры» былых времен, а основанное на жизненном материале произведение, которое и от актеров потребовало иных приемов воплощения образов и характеров героев.

Если и ощущается иногда искусственность в отдельных комедийных мотивах, то главный конфликт комедии — простой, жизненно правдивый и естественный. Молодой новатор Зыбин усовершенствовал станок, это позволяет ему дать огромное количество деталей смежному цеху старого мастера Надежнова, и этот цех стал узким местом на заводе. Событие производственной жизни переворачивает весь семейный быт Надежновых, вызывает глубокие переживания у героев, потому что вся их жизнь связана с заводом, и движение вперед, соревнование, высокое представление о рабочей чести стали мерилом нравственных достоинств человека. В действии, в событиях, в поступках раскрываются характеры людей. И лучшее качество комедии — ее увлекательность — порождено не внешним условным, а правдивым внутренним действием, юмором положений, уменьем показать, как сама жизнь заставляет людей, очищаясь от влияния старого, по-новому смотреть на обязанности человека в обществе, в семье, в коллективе.

Большая и дружная семья рабочих Надежновых переехала в новую квартиру. И вдруг на семью обрушивается столько неприятностей, что старая мать, Анна Мироновна, чуть было не поверила старой примете: на новом месте людей всегда настигает беда. Цех старого мастера Василия Петровича Надежнова, главы семьи, начинает отставать от стахановских темпов. Брат мастера, Яков, получает назначение в артель, где выпускаются примусы, и Василий Петрович считает это назначение оскорблением для семьи, все члены которой искони работают на турбинном заводе. Жених дочери Надежнова, Вари, Павел Зыбин понапрасну приревновал ее к школьному товарищу-скрипачу, и молодые люди поссорились.

Все эти простые события, тесно переплетаясь, дают возможность драматургу рассказать о том, как его герои расстаются со своими дурными свойствами, с предрассудками, чувствами и представлениями, перенесенными сюда не из старого дома, а из старого мира.

Василий Петрович Надежнов—новатор, стахановец. Но ему свойственны преувеличенное болезненное самолюбие и спесь. Он не хочет примириться с тем, что его брат Яков послан райкомом в артель выпускать примусы. Он не хочет понять, что для большого человека нет малых дел, что людям нужны и турбины и примусы. Сама жизнь доказывает старому мастеру, что, любя свое дело, он напрасно презирает всякое другое. Это свойство дурное. Мастер стремится преодолеть его и начинает тайком помогать брату.

Павел Зыбин, прославленный стахановец,— жених Вари Надежновой. Он сильно и глубоко ее любит. Но вот его невеста встретила школьного товарища, скрипача, приехавшего сдавать экзамены в консерваторию. Она принимает участие в его судьбе, просит отца приютить приезжего в новой квартире, ходит с ним на концерты, аккомпанирует ему. В сердце Павла невольно рождается ревность. И за это недоверие к невесте, к ее большой любви Павел чуть было не поплатился полным разрывом с девушкой. В быту, в повседневной жизни самых простых советских людей уже сложились этические нормы и моральные правила, которые заставляют непримиримо воевать с каждым отступлением от социалистической нравственности, требуют от каждого умения признавать свои недостатки и бороться с ними.

Правда, в погоне за комедийностью, за веселым, острым словом и положением драматург иногда чрезмерно преувеличивает, огрубляет чувства своих героев и несколько шаржирует их характеры. Желая тайно помочь брату в создании детали к примусу, серьезный человек Василий Петрович по-мальчишески это скрывает, вовлекая в заговор весь дом: мог бы и Павел Зыбин раньше объясниться с Варей... Всюду, где драматург стремится к искусственному усложнению конфликта, его герои утрачивают естественность и достоверность. Как только ощущается старый прием, как только начинается игра во имя игры, комедийный трюк вместо юмора положений, пьеса приобретает оттенок обозрения, а не ясно и четко построенной реалистической комедии. Эти недостатки заметнее, однако, в пьесе, чем в спектакле.

К постановке пьесы театр Сатиры привлек режиссера В. Плучека. Этот выбор оказался удачным. Сдержанности, простоты, правдивости чувств — вот чего режиссер добивался от актеров.

Актеры не комикуют, не переигрывают, не «доносят» каждое острое словечко, скандируя его, а играют с полной серьезностью. И они за это вознаграждены: самые простые слова вызывают взрывы смеха в зале. Зрители видят, что герой—достойный человек, но у него есть дурные свойства, и именно из-за них попадает он в неловкое, смешное положение. Это юмор светлый и оптимистический, смех тут — сила очистительная, он убивает плохое в хорошем, он возвышает человека, уничтожая в нем черты характера, чуждые нашей жизни и морали.

Надо отдать должное старым мастерам театра: с трудом ломая свои многолетние навыки, они поддержали идейный и художественный замысел режиссера.

Зрители не сразу узнают так хорошо всем знакомого П. Поля. Самое замечательное в его работе над образом мастера Надежнова в том, что в этом образе почти ничего нет от свойственных ранее Полю грубоватой комедийности, буффонады. Только горячо полюбив своего героя, можно с такой теплотой, искренностью и непосредственностью выразить и все его печали, горести, сомнения и всю его твердую веру в себя, в доброту и чистоту окружающих его советских людей. Правда, временами Поль еще скандирует острые фразы, позволяет себе «выигрышные» выходы и уходы, но это лишь пережитки старой манеры игры. Актриса Т. Пельтцер, с ее пристрастием к шаржу и гротеску, также предстала в новом качестве: простота, сердечность и даже наивность отличают в ее исполнении Анну Мироновну, мать семейства Надежновых. Характер ясный, достоверный, типичный, это — Яков Надежнов (В. Дорофеев). Мастер-турбинщик после болезни стал работать в артели, выпускающей примусы (правда, не без горьких, забавных, но вполне побежденных сомнений). Есть еще легкий налет эстрадной экстравагантности на работе Д. Кара-Дмитриева (грузчик Музтреста) и Г. Тусузова (сотрудник Радиокомитета); оба они исполняют традиционные вставные номера, которые хоть и веселы сами по себе, но чужеродны всему стилю этого спектакля.

Не удалась и драматургу и режиссеру сцена в заводской оранжерее, куда слишком уж нарочито сведены все герои комедии только для того, чтобы выяснить свои отношения.

Успех в спектакле выпал и на долю актерской молодежи, которая редко выходила на подмостки этого театра. Павел Зыбин (Д. Дубов), Петр Крутиков (В. Байков), Варя (О. Аросева) и особенно Тося Петрова (Г. Кожакина) играют своих сверстников с большим увлечением и подъемом. Они хорошо знают своих героев в жизни. Отсюда их уменье не фальшивить в простых и сдержанных признаниях, хорошо относиться к друзьям, горячо принимать к сердцу интересы завода, дела общественные. С этим выросло наше молодое поколение, этими чертами и пронизаны образы молодых. Пожалуй, драматург несколько обеднил круг интересов Павла Зыбина, а Крутикову придал несколько подчеркнуто водевильные черты, но режиссер спектакля сделал многое для того, чтобы сгладить эти недостатки пьесы в спектакле. Вот почему остаются в нашей памяти поэтические образы двух поколений советских рабочих людей, у которых светлая, радостная жизнь, творческая работа и ясные, чистые чувства.

Так новый драматургический материал, искусство режиссера и актеров принесли театру Сатиры творческую удачу. Театр уже обновил и омолодил труппу, помог и своим старым мастерам всерьез перестроиться. Он должен сделать своей задачей еще более смелое привлечение молодых творческих сил.

Обзор военных действий в Корее

Бои в Корее принимают все более напряженный характер. Особенно ожесточенные сражения происходят на западном участке фронта, в районе Сувона. Части Народной армии и китайские добровольцы продолжают отбивать здесь яростные атаки интервентов, причиняя им значительные потери.

Танковые колонны и пехота противника, под прикрытием авиации и военных кораблей, пытаются во что бы то ни стало пробиться к нижнему течению реки Ханган, захватить важный в стратегическом отношении порт Инчон (Чемульпо). Танковые атаки следуют одна за другой. Над расположением корейских народных войск непрерывно кружат американские бомбардировщики и истребители.

Но американские танки и пехота натолкнулись здесь на минные поля, а также на губительный огонь самоходных пушек, минометов и пулеметов. Сообщая подробности сражения в районе Сувона, корреспондент агентства Рейтер отмечает, что, отбив наступление американских колонн, части Народной армии и отряды китайских добровольцев прочно удерживают высоты вдоль важных дорог и что Народная армия «значительно укрепила свои позиции вдоль реки Ханган».

Штаб американской 8-й армии вынужден признать нарастающую силу контрударов Народной армии и китайских добровольцев, которые, по данным лондонского радио, только в течение ночи с 8 на 9 февраля трижды контратаковали интервентов.

На центральном участке фронта продолжаются ожесточенные бои в районе Воньчжу. Попытки лисынмановской дивизии продвинуться вперед были отбиты. «Южнокорейские части, — сообщает французское радио, — отступили на оборонительные позиции».

На восточном участке фронта также развернулись крупные бои. В этом районе орды лисынмановцев, поддерживаемые артиллерийским огнем с курсирующих вдоль побережья американских кораблей, тщетно пытаются добиться успеха. Народная армия прочно удерживает свои позиции и наносит захватчикам большие потери.

Продолжая свою безнадежную военную авантюру в Корее, американские интервенты бросают в бой все новые и новые подкрепления. Командующий американскими сухопутными силами генерал Кларк и военный министр США Пэйс заявили на пресс-конференции, что по просьбе генерала Макартура в Корею посылается большое число новых солдат. Но и это не сулит Макартуру успехов. Как указывается в приказе Главнокомандующего вооруженными силами Кореи Ким Ир Сена, Народная армия, нанесшая при поддержке китайских добровольцев сокрушительные удары по врагу, выросла, окрепла и стала мощной вооруженной силой. За шесть месяцев боев — с 25 июня по 25 декабря 1950 года — американские войска и лисынмановская армия потеряли в Корее более 200 тысяч солдат и офицеров убитыми, ранеными и взятыми в плен. Народная армия уничтожила и захватила более 230 танков, большое количество орудий, пулеметов и другого военного снаряжения, а также 618 самолетов.

Корейский народ, его армия полны непреклонной решимости завершить священное дело освобождения родины от ненавистных американских агрессоров.

П. КРАЙНОВ

ЛИ ЧЖУАН,

военный корреспондент китайской газеты «Женьминьжибао»

Клятва, написанная кровью

Отряд китайских добровольцев двигался по трудно проходимым суровым горам Кореи. Горные вершины были покрыты глубоким снегом. Скользкая дорога огибала крутые склоны. В горах Кореи зимние ночи наступают рано. Вечером, когда темнеет, белые горные вершины отражают холодный свет луны.

Из головы не выходила мысль о том, что там впереди, на юге, в скрывающихся вдали горах, наши товарищи по оружию ведут кровавые бои с американскими разбойниками. Наш отряд стремился поскорей достичь линии фронта, чтобы помочь своим братьям, сражающимся не на жизнь, а на смерть с врагом.

Но совершившие тяжелый длительный переход люди и животные нуждались в передышке. В семь часов вечера мы прибыли в небольшое корейское горное селение и стали размещаться на отдых.

Вместе с Чжан Чжуном я направился в небольшой окраинный дом, расположенный близ соснового леса. В доме не было слышно ни звука. Открыв дверь, Чжан Чжун осветил карманным фонарем помещение. Мы вздрогнули и невольно отступили назад: на полу лежали три окровавленных трупа. Нога Чжан Чжуна наткнулась на что-то мягкое — это был еще один труп. «А вдруг убийцы еще здесь!» — мелькнула мысль. Чжан Чжун вытащил револьвер, я снял с плеча винтовку.

Мы направились в следующую комнату. В ней царил полный беспорядок. Вдруг из старого деревянного платяного шкафа, стоявшего в углу, донесся шорох. Чжан Чжун, с револьвером наготове, решительно дернул дверцу. В шкафу на корточках сидел мальчик. Он дрожал с головы до ног. Покрасневшие и опухшие глаза глядели на нас в страшном испуге. На бледном с проступающими жилками лице был написан беспредельный ужас. Чжан Чжун ласково сказал: «Не бойся, мы — китайские добровольцы». Понял ли мальчик эти слова или, скорей, почувствовал, что перед ним друзья, но он бросился к Чжан Чжуну и, рыдая, прижался к нему. Горький, безутешный детский плач нам многое объяснил.

Услышав рыдание, в дом прибежали командир отряда и бойцы.

Из рассказа мальчика перед нами предстала трагическая картина.

Накануне в полдень в селение ворвались американцы. Большинство жителей перед этим успело уйти в горы. Отец мальчика — хозяин окраинного дома не захотел расставаться с зерном, собранным со своей земли, и остался вместе с семьей. Зерно было такое хорошее, урожай был такой обильный, и — не то, что раньше — теперь он весь принадлежал крестьянам.

Когда появились американцы, мальчик спрятался в кладовой с зерном. Он слышал крики сестер, их вопли о помощи. В этом месте он прервал рассказ и показал рукой на двор: «Отец — там». Мы вышли на двор. Там, на копне сена, мы увидали труп хозяина дома. Руки и ноги его были связаны. Отделенная от туловища голова лежала рядом. Тут же находился искромсанный труп дяди мальчика, с разрубленной шеей лежал двенадцатилетний братишка.

Вернувшись в дом, мы осмотрели помещение. На полу лежали трупы трех раздетых женщин. Это были две сестры мальчика и жена старшего брата, находящегося в корейской Народной армии. Мерзавцы не только надругались над женщинами, они рассекли их груди и закололи штыками. В другой комнате лежал труп матери ребенка. Она, видимо, была задушена негодяями.

Многие из бойцов нашего добровольческого отряда прошли суровую боевую закалку. Но даже они, глядя на страшные, окровавленные жертвы американских палачей, глядя на несчастного сироту, глаза которого отражали ужас, утирали слезы. Гневно сжимались кулаки, с уст срывались проклятья по адресу американских бандитов. Добровольцы вспоминали насилия японских оккупантов, зверства чанкайшистских банд... Американские войска в своих злодеяниях превзошли и тех и других.

— Товарищи, — обратился к бойцам Чжан Чжун. — Вы своими глазами видите, как нужна ваша помощь братскому народу Кореи в борьбе против американских извергов. Вы добровольно оставили свой кров во имя благородной цели — оградить мирных жителей Кореи от зверств разнузданной американской военщины, не допустить таких же злодеяний на нашей священной земле! Мы пришли в Корею, чтобы отомстить за убитую американскими бандитами семью мальчика!

Молча бойцы выкопали могилу в замерзшем грунте и похоронили убитых. Глухо шумел сосновый бор. Тихо и безутешно плакал ребенок...

...С тяжелым чувством покидали бойцы селение Пэнхули. Путь становился все трудней. Бойцы отряда упорно боролись с вьюгой. Еще не дойдя до фронта, они передавали командиру письменные обязательства решительно громить ненавистных интервентов. Семь бойцов собственной кровью написали клятву: «Отомстим за корейского мальчика» — и передали командиру.

«ЭТОТ СТАНОК НИКОГДА НЕ БУДЕТ РАБОТАТЬ НА ВОЙНУ!»

«Мира не ждут — мир завоевывают!» — под этим лозунгом борются сейчас сторонники мира. В эту борьбу включается и весь итальянский народ, преисполненный решимости сорвать преступные планы поджигателей войны.

Когда итальянское правительство, подчиняясь приказу из Вашингтона, приняло решение уволить 15 тысяч рабочих металлургических и машиностроительных предприятий, чтобы, создав им совершенно невыносимые условия существования, принудить их к работе на военную промышленность, всю страну охватила волна мощного протеста, поддержанного представителями самых широких слоев трудового народа.

Недавно итальянский комитет движения сторонников мира обратился к молодежи призывного возраста с предложением коллективно и организованно протестовать против внеочередных призывов в армию. Это предложение встретило широкий отклик среди рабочей молодежи, которая в знак протеста против внеочередных призывов отсылает по обратному адресу повестки военных властей.

Единым фронтом выступают итальянские рабочие против развертывания военного производства, против бешеной гонки вооружений, осуществляемой по указке американских людоедов.

На помещаемом нами снимке запечатлена сценка, характерная для сегодняшней Италии. Работница стоит у станка, на котором висит табличка с надписью: **«Этот станок никогда не будет работать на войну!»**. Подобные плакатики вывесили на своих станках рабочие многих предприятий Болоньи и других городов Италии.

Л. ВОРОБЬЕВ

Историческая наука в народно-демократической Болгарии

Победа народно-демократической власти в Болгарии создала все условия для подлинного расцвета науки, искусства и культуры. Отныне они становятся на службу интересам болгарских трудящихся.

Огромные творческие перспективы открылись перед учеными Болгарии и в частности перед болгарскими историками. Представители буржуазной исторической науки конца XIX — начала XX века (В. Златарский, П. Ников и др.) проявили полную беспомощность в объяснении исторических событий. Предавая забвению вопросы социально-экономической истории, они рассматривали исторический процесс, как цепь случайностей. Революционные события в истории Болгарии, такие, как Апрельское народное восстание 1876 года, борьба рабочего класса за свое освобождение в Сентябрьском восстании 1923 года, замалчивались или толковались извращенно. Фашиствующие историки М. Арнаудов, Б. Йоцов и др. пытались доказать, что историческому развитию Болгарии были чужды классовые противоречия, классовая борьба. Они стремились преуменьшить, свести на-нет роль России и русского народа в деле освобождения Болгарии и, в угоду империалистам Европы и Америки, противопоставить болгарский народ своему освободителю.

Исторической науке народно-демократической Болгарии предстояло разоблачить националистические извращения, допущенные в объяснении прошлого Болгарии, и воссоздать действительную историю своей родины.

Болгарская коммунистическая партия и ее руководители подчеркивали особую важность и необходимость разработки истории Болгарии на основе марксистско-ленинского учения. В новой Болгарии был основан журнал «Исторически преглед», призванный сыграть роль центра в объединении ученых-историков. Товарищ Г. М. Димитров писал: «Необходимо как можно быстрее выработать и популяризовать научный марксистский критерий для правильного объяснения важных периодов и великих событий в истории нашего народа, особенно в последнее столетие, сделав это ясно и убедительно на основе научного анализа самих исторических фактов».

В 1948 году, по инициативе Комитета по делам науки, искусства и культуры, была проведена дискуссия по вопросам истории. Дискуссия показала, что, несмотря на отдельные успехи, борьба с пережитками буржуазной идеологии в исторической науке еще далеко не окончена, что великоболгарский шовинизм, связанный, как это выяснилось, с трайчокостовщиной, полностью не разоблачен и не ликвидирован. Вскрыв порочность буржуазных концепций, обсуждение выявило в то же время не изжитую еще теоретическую слабость болгарских ученых-марксистов, не освободившихся окончательно от буржуазного формализма и объективизма. В числе серьезных недостатков указывалось также на отсутствие исследований коренных изменений в Болгарии после 9 сентября 1944 года, ее движения к социализму; отмечалось отсутствие связи между изучением истории Болгарии и общеисторическим развитием. Дискуссия нацелила болгарских историков на развертывание товарищеской критики и самокритики, на дальнейшее изучение марксистско-ленинской теории и ее творческое применение.

Хотя после дискуссии прошел сравнительно небольшой срок, но уже можно сказать, что ясно обозначился поворот в развитии болгарской исторической науки. Преподавание истории в высших учебных заведениях уже перестроено на основании новых программ, важнейшее место в которых отводится марксистско-ленинской науке об обществе, о законах его развития. Обзор журнала «Исторически преглед» за 1949—1950 гг. свидетельствует об усилении критики буржуазной идеологии и об обращении болгарских историков к исследованию проблем новой и новейшей истории.

Интерес представляют статьи В. Николова и Хр. Христова, посвященные вопросу о влиянии революции 1905 г. и Великой Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения в Болгарии. Авторы сумели показать, что революционное движение рабочих и крестьян России под руководством партии большевиков было образцом и примером для болгарских трудящихся, выступивших во Владайском восстании 1918 года и в Сентябрьском восстании 1923 года против прогнившего монархического режима. Статья проф. Топалова «Сопротивление болгарского народа немецко-фашистским оккупантам» (1941—1944 гг.) на основе обширного фактического материала показывает решающую роль, которую сыграла Великая Отечественная война советского народа в развертывании партизанского движения в Болгарии против немецко-фашистских захватчиков. В то же время, к сожалению, исторический, марксистский анализ собранных фактов в статье явно недостаточен.

Статья Хр. Христова рассказывает о роли Василя Коларова — верного ученика Ленина и Сталина, одного из теоретиков болгарской коммунистической партии — в развитии болгарской исторической науки.

Интересна статья Д. Косева «К вопросу о периодизации новой болгарской истории», опубликованная в дискуссионном порядке и свидетельствующая о деятельной подготовительной работе болгарских ученых к выпуску марксистской истории Болгарии. Но, по нашему мнению, не все положения, выдвигаемые Д. Косевым, убедительны и подкреплены конкретными историческими данными. Сомнительно датировать начало периода новой болгарской истории серединой XVIII века, так как в это время цеховой строй являлся в Болгарии господствующим, а процесс первоначального накопления, представлявший собой, по Марксу, предисторию капиталистического способа производства, еще не начинался. Д. Косев считает также, что период новейшей истории Болгарии следует начинать с 9 сентября 1944 года. Однако при такой периодизации недооценивается решающее значение Великой Октябрьской социалистической революции, ознаменовавшей собой коренной поворот к справедливому социальному строю в истории всего человечества. Всенародное восстание 9 сентября 1944 года, открывшее перед болгарским народом, при братской поддержке Советского Союза, путь к социалистическому строительству, является одним из последствий Октябрьской революции и Великой Отечественной войны советского народа против фашизма.

За последние годы в Болгарии вышел ряд исследований, посвященных периоду так называемого «Болгарского возрождения», т. е. периоду зарождения капиталистического способа производства и национально-освободительного движения болгарского народа против гнета турецких ассимиляторов. Анализ эпохи национально-освободительного движения дается в книге Жака Натана «Болгарское возрождение» и в работе Пантелея Зарева на ту же тему. Книга Зарева показывает развитие национально-освободительного движения в борьбе двух направлений — революционно-демократического и буржуазно-реформистского.

Оживление в исследовании проблем «Болгарского возрождения» было вызвано также празднованием юбилеев болгарского поэта и революционера-демократа Христо Ботева и выдающегося болгарского писателя-реалиста Ивана Вазова. Болгарская Академия наук выпустила научные сборники, посвященные памяти этих замечательных сыновей болгарского народа. В многочисленных работах о Ботеве, среди которых особенно выделяются исследования академика М. Димитрова, отмечалась исключительная роль идейного наследства русских революционеров-демократов Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова в развитии болгарского материализма и революционной демократии, повлиявшего на подготовку и проведение народного Апрельского восстания 1876 года.

Выход в свет 3-го, дополненного издания книги Ж. Натана «Марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях» свидетельствует о возрастающем интересе болгарских ученых к творческому овладению марксистско-ленинской наукой. В ней впервые в болгарской историографии сделана попытка на основании сталинского учения о типах производственных отношений дать схему исторического развития Болгарии с древнейших времен.

Автор приводит обширные данные, вскрывающие предательскую роль болгарской буржуазии, отдавшей экономику и политику страны в подчинение империалистическим государствам.

За многолетнюю и плодотворную работу в области истории Болгарии М. Димитрову и Ж. Натану присуждены Димитровские премии первой степени.

Однако еще не все выводы исторической дискуссии претворены в жизнь. До сих пор мало освещается в журналах и в отдельных исследованиях новейшая история Болгарии после Сентябрьского восстания 1923 года, особенно история народно-демократической Болгарии. Недостаточное внимание уделяют болгарские историки разоблачению истинного лица американо-английского империализма, его многолетних происков в странах Балканского полуострова.

Болгарским историкам-марксистам предстоит, как указывает генеральный секретарь БКП товарищ Червенков, последовательно и решительно, без колебаний преодолеть буржуазную идеологию и, опираясь на силу и расцвет советской социалистической науки и культуры, воспринимая их опыт, добиться полного господства боевой марксистско-ленинской идеологии.

Япония — макартуровский концлагерь

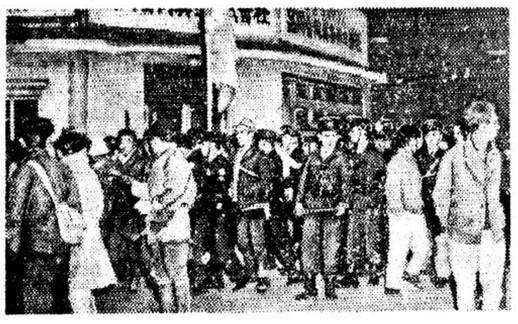
У американских империалистов особые виды на Японию. Они уже давно числят японские острова в цепи своих военных аванпостов на Тихом океане, а мужчин-японцев призывного возраста рассматривают, как пушечное мясо. Возрождение японского милитаризма как наиболее «надежного» союзника американских агрессоров в замышляемых ими разбойничьих авантюрах — вот над чем «трудится» уже свыше пяти лет американский гаулейтер в Японии Макартур.

Главное препятствие на пути колонизации и ремилитаризации Японии — это сопротивление японского народа, явное и недвусмысленное его нежелание видеть свою родину превращенной в американский «пловучий авианосец». Макартур и его цепной пес Иосида смертельно боятся японского народа и в особенности наиболее передовых и сознательных демократических элементов страны. Вот почему они преследуют компартию, бросают в тюрьмы и подвергают жестоким пыткам активных профсоюзных деятелей и рядовых участников забастовок, разгоняют митинги и демонстрации. Они пытаются загнать всех прогрессивных японцев за колючую проволоку, превратить всю Японию в один гигантский концлагерь.

Убрать все препятствия на пути ремилитаризации — таков новейший приказ Белого дома, переданный Макартуру и Иосида прибывшим с «мирной миссией» в Токио поджигателем войны Джоном Фостером Даллесом. Кому-кому, а Макартуру и Иосида таких приказов повторять не надо. В последние дни японская полиция совершила налет на 358 предприятий, связанных с изданием демократической печати, и арестовала 308 человек. По данным, опубликованным в газете «Майници», уже брошено в застенки 470 коммунистов.

На улицах японских городов льется кровь. Штурмовики Макартура пускают в ход не только полицейские дубинки, но также автоматы и пулеметы. Японская полиция, это замаскированное ядро миллионной наемной армии, сколачиваемой Макартуром, проходит военную «практику» на своих соотечественниках: ежедневно в ее кровавый счет вписываются новые имена убитых, раненых, искалеченных.

Японцы знакомятся и с такими «достижениями» заокеанской демократии, как массовые увольнения прогрессивных рабочих. С металлургических, судостроительных, химических, нефтеперегонных, электротехнических и других заводов Японии, из угольных шахт, с железных дорог, из государственных и общественных учреждений сотнями и тысячами увольняются коммунисты, профсоюзные активисты, борцы за мир, люди передовых демократических взглядов — цвет японского рабочего класса.



Заокеанские колонизаторы и их японские партнеры воображают, что, загнав компартию в подполье и «очистив» предприятия и учреждения от наиболее сознательных рабочих и служащих, они сумеют превратить трудящихся Японии в послушное быдло, устранить всякое противодействие с их стороны черному делу возрождения агрессивного японского милитаризма.

Но честные патриоты, сторонники мира, насчитываются в стране не тысячами и даже не десятками тысяч, а миллионами. На фашистские действия Макартура народные массы Японии отвечают активным сопротивлением.

Жестокие репрессии, которым правительство Иосида, по указке американцев, подвергает японских демократов, вызывают возмущение передовых людей всего мира. Трудящиеся различных стран выражают солидарность с японским народом, борющимся за свои гражданские права, за мир и демократию, против ремилитаризации страны, проводимой американскими и японскими реакционерами.

На помещаемых нами фотографиях, взятых из иллюстрированного приложения к токийской газете «Асахи» — «Асахи-граф» и чехословацкого журнала «Свет в образех», запечатлены картины, которые ежедневно можно наблюдать в любом японском городе.

В течение нескольких дней пытаются проникнуть на свой завод рабочие-активисты, уволенные из электрокомпании «Ницихацукай»; полицейский кордон преграждает им путь (**снимок вверху слева**). Во дворе того же предприятия рабочие устроили митинг протеста (**снимок вверху справа**). **На нижнем снимке** — полиция разгоняет демонстрацию безработных у здания токийской биржи труда.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; отделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, К 4-03-66, науки — Б 3-27-54, информации — К 4-08-69, издательство — К 4-11-68. Коммутатор К 5-00-00

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б 00341.